

ВИКТОР ЕВГРАФОВ

СОТВОРЕНИЕ МИРА

Стихи и поэма

Орел, 2015

УДК Р
ББК 84(2р)6
Е 14

Е 14 В. Евграфов «СОТВОРЕНИЕ МИРА» стихи и поэма
Орёл: Издатель Александр Воробьев, 2015.
С - 180

*Большое спасибо моим друзьям,
с чьей помощью был издан этот сборник.*

Колумбус, США: Александра БАЛТЕР - учёный-биолог.

Москва: Артур СОЛОМОНОВ - писатель

Иркутск: Татьяна ЗЕМЦОВА - музыкант.

Красноярск: Алик АРЗАЕВ - бард, Евгения БАГРАМОВА - поэт,

Виталий БЕРКУТ - поэт,

Сандип ГАРГ - предприниматель, Ольга ГУЛЯЕВА - поэт,

Елена ЛЕВЧЕНКО - дизайнер.

Санкт-Петербург: Александр ВШИВКОВ - поэт.

Жуковский, Московской области: Наталья ТРОИЦКАЯ.

Орёл: Юлия ЕВГРАФОВА - музыкант, Ольга КАСУХИНА - ди-

зайнер, Елена КОМОЛОВА - корректор, Светлана МЕДВЕДЕВА

- галерист, Инга РАДОВА - арт-эссеист, Игорь ЧЕРКАШИН -

режиссёр.

© Евграфов В., 2015

© Издатель Александр Воробьев, 2015

МАЛЕНЬКАЯ ПЕСЧИНКА
В космической необозримости –
Наша Земля,
Истерзанная и прекрасная.
Она у нас одна,
В постоянной гонимости
Между солнцем
И другими системами.
Жизнь опасная
У планеты, летящей
За грань неизвестного.
Человек беззащитен.
Страдает. Радуетя.
Смесь трагического
И невыразимо чудесного.
Бытие гудит,
Никогда не оглядывается.
В противоречии неизбежность
И Его Величество Случай.
Сотворение Мира –
Акт кипучий.
Он в нас.

СОЛНЕЧНЫЙ КРУГ

★ ★ ★

Пусть в каждой душе хоть на миг возродится Христос.
Монбланы любви перестанут быть редкостью вящей.
Мы примем в себя долголетья утопших вопрос:
Державное Я (неизменное) спрячется в ящик?

Великое Мы, благодарные Он и Она,
Святое Они развернутся в строю незлобивом.
И пушки в чехлах. Водопад чистых слёз. Тишина.
Покоя Эдем. Братский мир. Плодородные нивы.

2012

* * *

Ко мне пришёл единорог
И молча сел за стол.
Налил ему в стаканчик грог,
Спросил: «Зачем пришёл?»

Конь деликатно промолчал.
Потом, вскочив, исчез.
Куда же гость мой поскакал –
В пустыню или в лес?

Их много, всех не сосчитать,
Тропинок и дорог.
Скажи мне, где тебя искать,
Мой друг единорог?

2013

✱ ✱ ✱

Нежность моя не растрочена, ждёт вдохновенья,
Страстных признаний, объятий украдкой и взгляда,
Чтобы читались в нём чувства глубокие. Слезы,
Вмиг появившись, стеснялись пролиться на землю.

Чувства, они неразменны, сроднились с терпеньем,
Коему внешней подпитки и вовсе не надо.
Жизнь состоит из рутинных завалов, а грёзы –
Из откровения чистого созданы. Внемлю

Только любви, она свежей травой прорастает
Сквозь камни быта. Разрезано сердце в кусочки.
Боль, как растопленный айсберг, мучительно тает.
Дети рождаются: новые рифмы и строчки.

2013

* * *

*Графику Ольге Грачёвой,
Орёл*

Каждый штрих летает птицей,
В перьях облачность храня.
Грифель, может быть, влюбиться
Попросил бы ты меня?

Откровенье линий тонких
На улыбчивом счету.
И зверушке, и цыплёнку
Горстку чёрточек найду.

Положу с одной попытки
Цветогамму в белый лист.
Радуют людей открытки.
Воздух вкусен, свеж и чист.

2013

★ ★ ★

Если летней ночью лечь на траву,
И посмотреть в звёздное небо,
Твоя душа вылетит из тела
И отправится путешествовать
По другим планетам.
Затем вернётся обратно,
И ты станешь другим.
Голоса путешествующих
В пространстве душ
Разбудят в тебе новые силы
И новое понимание сущего.
Бессмертие рядом.

2014

* * *

Стучится солнышко ко мне
Тихонько по ночам,
Чтобы сверкать в моем окне.
Зачем? Не знаю сам.

Кругом темно, а я гляжу –
Распахнут белый свет
Лишь для меня. Но я скажу,
Все сердятся: – Нет, нет!

У нас есть общее, одно
Светило над землей!
– Конечно, есть. И все равно
В ночи луч солнца – мой!

2014

* * *

Опускается вечер над полем,
Где растут светлой грусти цветы.
Мы о радости Господа молим,
Сохранив идеал красоты.

Посредине смеющейся речки –
Глянь – курносая лодка плывет.
Тает в искренних чувствах сердечко.
Полной грудью вздохнул небосвод.

2014

* * *

Богатство музыкальных трелей
В пучке изящных оперетт.
Летят по воздуху качели,
Приветствуя весенний цвет.

Канканы, арии, куплеты...
Звонящих солнц златые дни
Наивной юностью согреты,
По-детски счастливы они.

Упрятанные в нотных станах,
Спят вместе радость и печаль.
Ждут оркестровых капитанов.
О, легкий жанр, ты мистраль!

2014

* * *

Во тьме таинственной стихии,
Разрушевшей скорбящий дом,
Припомним лица дорогие
И выстоим. И не умрем.

Наплывы чувств шуга закрыла.
Но в заповедной стороне
Младого солнца зреет сила,
Чтобы светить тебе и мне.

2014

* * *

Конечно же, остался добрый мир.
Здесь красота и радость счастье строят.
Мир без обмана. Солнечный эфир
Хромающих подранков успокоит.

Соитье муз Господь благословит.
Дням созиданья нет альтернативы.
Любовь живет. Ей новый путь открыт.
В семье гармоний – светлые мотивы.

2014

ГРИМАСЫ ЭПОХИ

* * *

Эпоха стонет от болезней
И сокрушительной заразы.
Кто спорит, было бы полезней
Забуть о них... И нужно сразу

Наклеить бодрую улыбку.
Поставить крепкую ограду.
Ловить в грязнущей луже рыбку.
Со злобою мириться надо.

Мы сердце рвем в своей заботе
О беззащитном человеке.
Хотят нас видеть в укороте
Звероподобные абреки.

Аорта плачет, напрягаясь,
Но совесть правду не забыла.
От всех чертей обороняясь,
Храним порядочность и силу.

2014

* * *

Я под ударом сапога.
Шершавая кирза.
Кричит проглот: «Ты здесь! Ага!»
И пулю шлёт в глаза.

Земля, терзаясь, хочет пить.
Рассечено лицо
Старухи почвы, ей не быть
В загоне подлецов.

Она скончается одна
И без глотка воды.
Я вместе с ней иду туда,
Где нет броска судьбы.

Молиться негде, брошен храм
На растерзанье псу.
Я умер. Слышу: «Аз воздам!»
Трещит костёр в лесу.

Терзают человечью плоть.
Веселья не тая.
Товарищ, друг, помог бы хоть.
Молчит. Сгораю я...

2012

* * *

Потусторонних монстров битва.
Уста злодея кривду пьют.
Глаза отверженной молитвы
Химеры сонные клюют.

И только праведник безгласный
Назначен тонкий мир спасти.
Взойдет светило – будет ясно,
Где храм потерянный найти.

2014

✱ ✱ ✱

Прогресс камлает с бубном заржавевшим
Отравленный безумьем дней шаман.
В карманы прячут праведник и грешный
Две головы, попавшие в буран.

Всесильно у эпохи безголовье.
Сироты-плечи думать не хотят.
Рекой безбрежной льются слезы вдовьи
Под радостные визги поросят.

Дымы индустриальные затмили
Теряющие зренья города.
Бесполое созданья породили
Унылый век под знаменем «Беда».

На шкурах озверевших лицемеров
Сияет пентаграммное тавро.
И поезд без колес, забывший веру,
Несется лихо к станции Зеро.

2014

✱ ✱ ✱

Что-то случилось неясное, новое что-то.
Феникса мама яичко снесла у крыльца.
Юный стрелок звонкой ночью пошел на охоту.
Цветик увядший покрывла золотая пыльца.

Древние сказки забыли простые загадки.
Ловкостью рук отпирается дверь в пустоту.
Сморщенный шар постепенно становится гладким.
Локомотив кричит: «Падаю!» вместо «Ту-ту!».

Блеклая краска отзывчивый цвет забирает.
Лень и усталость ковры из бурьяна сплели.
Бунт харизматиков жаждет поднять запятая.
Гранд-симфонизм извелся на пти-айлюли.

Зеркало спрятало мир позади амальгамы.
Тонким страданьем проникся чугунный болван.
Что-то случилось неясное, сбои в программах.
Архистратигам дает Люцифер агреман.

2014

✱ ✱ ✱

Над пробуждающейся лирой
Из огненного далека,
Презрев отчаянности мира,
Склонилась жёсткая рука.

Её пожатие смертельно,
Как трибунала приговор.
Товарищ раны огнестрельной –
Винтовки с оптикой затвор.

В разрыве нервы струн мятежных.
Гуляет музыка в аду.
Орфей заснул в объятьях нежных
У попугая какаду.

Все попугаи и павлины
Озвучивают новый гимн
О том, как мудр Король единый,
Земли угарной властелин.

Чем громче гимн, тем злее руки,
Сомкнувшиеся для тычка.
И замолкают лиры звуки
Не на минуту – на века.

Эпоху перемен драчливых
К себе призвал калека Морт.
Едва дыша, бард сиротливый
Спас новорожденный аккорд.

2014

* * *

Валерии Новодворской

Прожить без капли лжи и без притворства...
Дыханью счастья укорочен срок.
Немыслим конформизм – друг потворства.
А время продолжает свой урок

Носителям ликующей свободы.
Она, страдая, корчится в огне.
Давно молчат заснувшие народы.
Вещает меч на порванном ремне.

2014

★ ★ ★

Когда чёрные звёзды погаснут,
Царство Зверя исчезнет во мгле.
Святомученик жил не напрасно,
Оставляя следы на земле.

И по ним, осторожно ступая,
Юный праведник в люди идет.
Только где он сегодня – не знаю.
Боль сердечная слов его ждет.

2014

* * *

Мир без конца и без начала.
Мир без мозгов и без страстей.
Лоскут чужого одеяла.
Напряг сломавшихся частей.

Худеет пухлая наличка –
Супруга скачущих валют.
Окрепла древняя привычка –
Бросаться жизнью там и тут.

2014

★ ★ ★

Вспоминая Марину Цветаеву

С петлей встречаются поэты
В подворьях, где торчит навоз.
Жизнь перемолота, раздета.
Настигла кара гневных гроз.

Весельчаки палят из пушки.
Обнялся с пепелищем гром.
А слезы капают в подушки.
Вербует рекрутов Погром.

2014

★ ★ ★

Матерые волки давно поседели
В клокочущей драке за мяса кусок.
Борзые собаки щенка одолели.
Убийцы добра собирают оброк.

А перст богача бедняку указывает,
Где легче послушным построиться в ряд.
Лакеи усердные бодро ликуют.
Один шаг вперед – десять метров назад.

2014

* * *

Владея мастерски пером
В немые времена,
Попробуй, опиши Содом,
Где правит Сатана?

Насилие железных рук
Берёт в тиски слова.
Дрожит отсутствие порук.
Но если мысль жива,

Её возможно пронести
Через стальной забор
И Царство Божье обрести,
Когда гуляет мор.

Преодолей глубокий ров.
Конвой давно отстал.
И Сатана уже готов
Покинуть пьедестал.

2014

КЛЕВРЕТОБУМ. ДИПТИХ

1.

Клонированные клеветы
Прогнули спины напоказ.
Хозяин ожидает где-то –
С колючей плеткой дикобраз.

Смиренны радужные лица –
Болванки из папье-маше.
За маленький кусочек пиццы
Канкан танцуют в неглиже.

Народом прирастает база,
Где создается верный клон.
А в арсенале дикобраза
На каждого готов патрон.

2.

Сомкнулись каверзные мысли,
Друзья сиамских близнецов.
Беззубики ходы прогрызли
В пещеру бодрых молодцов.

Гуляет пьяная угроза
По телу дряблой мостовой.
Мечтает острая заноза
О плоти ласково-родной.

Злонравие костюмы носит
От кутюрье небесных куш.
Дырявый дом защиты просит:
Укрой меня, счастливый плющ.

Велеречивая сорока
Трещотку потеряла... глянь.
Глощает время лежебока –
Прилипчивая глухомань.

2014

✱ ✱ ✱

Нас окружают мимолётности,
Птенцы загадок, вещей снов.
Реальность с выстраданной плотностью
Надежно держит свой улов.

Уход в придуманные странности
Дороже, чем большой успех.
Шум посторонней барабанности
Привычен, и совсем не грех.

Родник мечты струею звонкою
Бежать вперед не устает.
Задула свечи память тонкая.
Друид сигналы подает.

2014

✱ ✱ ✱

Поток глицериновых слез
Обрушил кирпичную стену.
Вакханок замучил мороз,
Послав снег на жаркую сцену.

Фальшивые страсти в чести.
Горит ареал раритетов.
Манкурт, о душе не грусти.
Её в пустоте глухой нету.

Набрал высоту бредолёт,
Решив испугать навигатор.
Толпу слабодумов спасёт
Надежности мудрой куратор.

2014

✱ ✱ ✱

Бессонница, как острая игла,
Пронзает беззащитную память.
Затей вчерашних резвая метла
Гуляет по руинам. Не замаять

Тревожный вызов совести больной.
Пласты времен рассыпались от взрыва.
Ушедший день – он дышит, он с тобой

На строчках опаленного курсива.
Сомкнулись копыя. Оправданий нет.
Озвучены параметры вердикта.
Исчезли судьи в масках. Гаснет свет.
Тень ранней жизни на лице реликта.

2014

* * *

И, может быть, подходит срок
Неукоснительных решений.
Ментальный Каин взвел курок,
Отправив к праотцам сомненья.

Конечно же, давно пора
Гасить мечтания шальные.
Но продолжается игра
В метаморфозы заводные.

Страж беспощадный держит банк.
Настал черед крапленой карты.
Висит над шеей бумеранг,
Посланец силы и азарта.

2014

★ ★ ★

Мы с болью душевной сто лет неразлучны.
Привыкли друг к другу, родная семья.
Живущие в коконе благополучном
Гордятся собою, и это не я.

Ружьё бессердечия травмы наносит,
Стреляет без промаха, снайперски, в цель.
Потом извинений болезненно просит.
Весну пригласить забывает апрель.

В шрапнельной атаке не гнусь, выживаю.
Привык отводить ядовитый клинок.
Удары гремучие сразу прощаю.
Прощениям этим – немереный срок.

2014

ХРУСТАЛЬНЫЙ КУБОК ЧУВСТВ

Юлии Энгельгардт

У моей Вавилонской башни
Есть в запасе один язык.
Провалился раздор вчерашний,
Как мифический материк.

В языке этом лишь три слова.
Заменить их никак нельзя.
Счастья преданного основа.
Лиры звук: «Я люблю тебя».

2014

★ ★ ★

Пролетают годы – гуси-лебеди
В небесах, где солнце и туман.
Приземлитесь и куда приедете?
В переулок, где свистит обман.

Позади столбы и расстояния,
Тучестрой над горизонтом, ночь.
А любовь одна, как пташка ранняя,
Звонко мракобесье гонит прочь.

На снегу цветы растут красивые –
Это память о твоих глазах.
Чувства безоглядно-молчаливые
Оживают в радостных слезах.

2013

✱ ✱ ✱

Чем больше лет, тем зов любви слышней:
Тишайший, с грустной нотой лейтмотива.
Ушедших дней заметки без курсива
Ложатся в книгу памяти, и в ней

Читаются другие имена –
Наброски на ходу... всё лица... лица.
Закладки на желтеющих страницах
Трепещут. Книга тайнами полна...

А в новой книге тайн суровых нет.
Там круглый год заливистое лето.
Колоратурно-радостный привет
В мажоре ослепительного света.

Пастелью нарисован юный дом.
Бордовый цвет у крепкой черепицы.
Дверь хочет на замок быстрее закрыться.
Два чувства здесь – в дыхании одном.

2013

* * *

Дорогая моя, в честь тебя зажигаю салют.
Он из песен и праздника всех сумасшедших сердец,
А моё сумасшедшее всех, в переливе минут
От любви прогорает, но крепок небесный дворец,

Где со мной только ты, только наше вино на разлив
Из плодов ярких чувств, с виноградника Ллорет-де-Марр.
Если пресный месье на обеде пьёт аперитив,
Я коктейль беру звёздный и ставлю его на пожар,

И потом растворяюсь в нём. Звонкий напиток горяч.
Кровь шальным перекатом в каре оркестральном бежит.
Это красные кони спустились с картины и вскачь
Понеслись по просторам, быстрее, чем автоболид.

Разорвись, моё сердце, не жалко! Любовный разгром
Самый лучший из всех, что придумали боги для нас.
А когда разорвёшься, тебя мы опять соберём.
Атлантида воскреснет, поднимется новый Парнас.

2014

✱ ✱ ✱

Клавиши в субдоминантной купели
ловят органной астмы выдох,
вынос
головы, страданий, жалоб Астреля,
синус,
синусовый ритм сердечной сумки
прыгает по неровным кочкам памяти,
глянете
на самого себя, испугаетесь,
кланяйтесь
главному смыслу жизни,
любви своей,
в которой
зеркально отражается
лицо прошлого и будущего,
всего сущего,
красота возлюбленной,
идеал автопортрета,
струей памяти омывается,
клавиши согреты
поверженной страстью,
вино в старых кувшинах
кончается,
переклички тональностей
неизменны,
корчится в муках арена,
наполненная арлекинадой,
надо
любовь хранить
в закрытом сосуде,
будет
новая музыка.

2014

★ ★ ★

Попросил я у Бога любви. Он подумал и дал.
И теперь я живу, на проклятые дни невзирая.
Существую, как прежде, в преддверии доброго рая.
Буду долго я здесь или нет, мне пророк не сказал.

Да зачем он и нужен, всеведущий гений-пророк,
Если чувства ликуют, и мгла растворяется в счастье.
Много раз спотыкался и верил: пора уж упасть бы.
А не падаю. Точка. Крушеньям обвальным не срок

Поломать бытие, где воздушная лава кипит,
Отрицая ожоги с укусами кобры шипящей.
Каждый день, как подарок, и кубок победно звенящий
На Парнасовом поле наполнен всегда. Ад забыт.

2014

* * *

Я чувствую Тебя, как часть большой Вселенной.
Свободный дух любви встречается с мечтой.
И каждой встречи миг – властитель сил бесценных.
Они живут во мне. Они полны Тобой.

Заложница зимы – тоскующая осень.
Ей обновленья чувств возможно ль погасить?
Я над Землёй лечу, оковы быта сбросив.
И нашу высоту досужьем не убить.

Лик нежный, как звезда на тёмном небосклоне.
Мир доброй красоты, он в имени Твоём.
Рождается во мне предчувствие симфоний,
Написанных легко космическим пером.

2013

ТРИПТИХ

1.

Новый вечер настал.
Трёт морозец бесснежные щеки.
Марс луну целовал.
Затопил камин бард одинокий.

Смотрит хрупкий ледок
В глубь зеркального днища колодца.
Миг свиданья далек.
Дремлет в сердце хранитель эмоций.

Меланхолик романс
Пожалел отзвучавшие ноты.
Кинул шаль реверанс
На озябшие плечи заботы.

Тонкий контур лица
Проявился в наброске портрета.
Мы дойдем до конца
По дороге безмолвной к рассвету.

2.

Ночь породнилась с лунной серенадой.
В обманчивую даль летит зефир.
Росой умылись гроздья винограда.
Ложится спать в любви зачатый мир.

На небесах зарницы полыхают.
К рябине прискакал единорог.
Прозрачный странник нимфу обнимает.
В тумане бледном спрятался восток.

3.

Мгла сырая окошко раскрыла.
Лебедь грустный в него залетел.
Королевна стрельца полюбила.
Коннетабль теперь не у дел.

Все безумцы друг с другом воюют.
Непонятно, где свой, где же враг.
А стрелец королевну целует,
С ней расстаться не может никак.

О, романтики, дети печали.
Время рвет их, но воля крепка.
Из любви и стихов дом соткали.
Крыши нету. Одни облака.

2014

✱ ✱ ✱

Тебе одной – от сердца строки
Штрихом гусяного пера.
Ах, где ты, где ты, век далекий,
Где золотые вечера

В усадьбе с маленькой ротондой,
Свиданий нежных перелив.
Где фраки томного бомонда,
Романса трепетный мотив.

Век девятнадцатый, невинный,
Вобравший вальс и котильон,
И небо в звездах над овином,
И чувств прозрачных тихий стон

Оставил нам свое наследство.
Романтик и сейчас живет.
Век гениев и век кокетства,
Пока любовь есть, не умрет.

2014

✱ ✱ ✱

Я твой художник персональный,
Любовь рисую кистью, словом.
Эрзац-эпоха не готова
Соединить нас. Жизнь печальна

Вдали от нежной и любимой,
От лучшей на тревожном свете.
Ты мой восторг необходимый.
Цветок в невянущем букете.

2014

* * *

Любовь, как сад, растёт и умирает,
Состарившись от зимних холодов.
Она планеты солнечные знает,
Не покидая соловьиный кров.

Раздавленная глыбой монолита
В канаве передраги бытовой,
Летит навстречу радости открытой
И встрече с канцонеттой молодой.

2014

★ ★ ★

Они обвенчались в жасминном саду,
Когда знойный день угасал.
Подарок им сделал молодой какаду –
Красивые перья прислал.

Фата сплетена из улыбчивых трав
И пела романсы луна.
Он взял ее за руку, счастье познав.
Головкой прильнула она

К любимой ладони. Оркестр сильфид
Играл до зари котильон.
Венчанье в жасминном саду... Ночь стоит,
Сердца забирая в полон.

2014

★ ★ ★

Нежность моя, ты из странствий вернулась,
Верное сердце дождалось тебя.
Жизнь в разлуке с тобой захлебнулась,
Думал, что скоро не выдержу я.

Только надежды спасательный пояс
Выплыть из дикой пучины помог.
Лунный Пьеро, средь созвездий устроясь,
Бросил к ногам твоим счастья платок.

2014

★ ★ ★

Научи же меня танцевать под дождем
Шейк и танго, и ветреный вальс.
Мы с тобою давно в доме Солнца живем,
Дом волшебный, без лживых прикрас.

Среди гор седовласых долина лежит.
Воздух чистый, и зелень травы.
Станцевав под дождем, мы туда убежим,
Бросив цепи досужей молвы.

День как праздник, единых дыханий парад,
Всю унылость мы выставим прочь.
Догорит и угаснет багровый закат,
Встретим радостно звёздную ночь.

2014

★ ★ ★

Счастливой минуты пронзительная багатель.
Ты рядом... Любовь с вдохновением нежно ликуют.
Забыла сердиться на осень старушка-метель.
В прохладе сырой тёплоструйные дни торжествуют.

Очнулся от сна брат мечтателей – робкий рассвет.
Под музыку лютни приблизились новые грезы.
Рождается ангел поэзии – свежий куплет.
Ушел насовсем покровитель обыденной прозы.

2014

* * *

Объясниться любимой с утра – это рыцарский долг.
Он приятен и нужен обоим, как воздух и хлеб,
Чтобы к нам не явился случайно тамбовский друг – волк,
А пришел и стал рядом жить солнечно-ясный брат Феб.

Я люблю тебя очень, и эта любовь, как звезда,
Посылает лучи обновления в наш каверзный быт.
Без нее бы рассыпались в прах всей земли города.
Побеждает живительный свет, и Князь Тьмы позабыт.

2014

★ ★ ★

Мы с тобой – два отчаянных странника
И Богов креативных посланники.
Держат нас на плаву чувства добрые,
Потому всем чертям неудобны мы.

Вдохновенья печатью отмечены.
Той печатью, что с неба спускается.
От любви моей сполохи встречные
Над уставшей землей разгораются.

2014

* * *

Ах, эти розы ожидания!
Головок нежных лепестки.
С тобой, любимой, жду свидания.
Минутки трепетны, легки.

Как дети стебельки волнуются.
Их покори́л молодой зефир.
На небе облака целуются.
Вокруг спокойствие и мир.

2015

ХУДОЖНИКИ

САЛЬВАДОР ДАЛИ. ДИПТИХ

1.

По могиле моей не гуляйте, потомки, ногами.
Буду плакать и горько смеяться. Над кем? Над собой.
Ухожу навсегда. И, конечно, останусь я с вами.
Через толщу столетий услышите вы голос мой.

Он в картинах – взбирается вверх и немедля садится.
Я кричу вам о снах – помогите! – фантазий эскорт,
Как мучитель родной, извивается коброй, глумится.
Элегантность и страсть мою жизнь швыряют за борт.

Мой корабль терпит шторм, круг спасенья по имени Гала
Удержал на плаву, но кончается давний запал.
Жить хочу тыщу лет, но и этого, Господи, мало.
Слышу колокол боли. Гудит. Объявляю аврал

Всей команде своей – не рождённым под кистью полотнам.
Я нормальный безумец, быть может, поджарюсь в аду.
Только в мир подземельный, где сумрак главенствует плотный,
Вход закрыт. Я его никогда и нигде не найду.

Помня имя моё, протанцуйте, ликуя, фанданго.
Буду рад вашей радости, жизнь продолжается, блеск!
Её круг – это просто обратный бросок бумеранга.
Драма сильных идей и наивный, как детство, бурлеск.

2013

2.

Расплывчатая старость горло давит.
Сломался юный девственник – кларнет.
Произнести возвышенное «Аве»
Хотелось бы. Кричит ослица: «Нет!»

Рука во сне с зелёною прощалась –
Фантазии богемная ступень.
Галактика с богами поругалась.
Блажную трень отправил к чёрту брень.

Жираф в огне. Двадцатый век – уродец.
Космической Венеры блудотесть.
Вокруг вполне упитанный народец.
Готов дзынь-телефон в сардинах съесть.

Прости, архисознательный ценитель
Желаний, истощивших лабиринт.
Художник – со своей душой воитель.
Штрих краской – обнажённых нервов финт.

Разоблачил мечты сюрреализм.
Глухая боль рождает эпатаж.
В дне завтрашнем всё тот же конформизм
Ослепших масс и мученик-кураж.

2014

ПОЛЬ СЕЗАНН. МОИ ГЛАЗА УМЕЮТ ДУМАТЬ

Мои глаза умеют думать,
Мои глаза умеют видеть
То, что не видят филистёры
И прочие чужие люди,
Которым дела нет до цвета
И до моих переживаний
О жизни красок на холсте.

Когда я слышу слово «гений»,
Стремлюсь закрыться, как улитка,
В своей малюсенькой ракушке.

Причём тут наша гениальность,
Когда весь мир жесток и сложен.
Запечатлеть его возможно ль?

Глаза, подумав, согласились:
Пиши, творец, одну природу,
Её изменчивость и странность,
А рядом с нею – человека,
Знакомого, как мои пальцы
На перетруженной руке.

Полотна – дети глаз, смотрящих
Вглубь состояний нашей жизни,
И потому я неудачник,
По мнению великомудрых.
Глаза бы перестали мыслить,
И милосердное признание,
Ко мне лицом бы повернулось.
А это очень надо мне?

2013

ГОЙЯ

Я оглох от страданий людских.
Свирепеют картины.
Маски ужаса встали на плечи согбенных фигур.
Гниль просторов мирских –
Рост давно заболоченной тины.
Обнажёнными дёснами цепи изгрыз трубадур.
Инквизиция святость пытается огнём и железом.
Я изгоем живу, презирая и лесть, и почёт.
Но с мольбертовой плахи своей никогда я не слезу.
Она жизнь мою, как палач неподкупный, берёт.
Вышла замуж за штык
Молодая и громкая пушка.
Познакомила их богомерзкая сводня – война.
Я молчу. Я привык.
Пью трагичный напиток из кружки,
Что разбита давно и, увы, никому не нужна.
После смерти моей остаются портреты, рисунки.
В них кровавая боль и в темницу упрятанный век.
В проклятущем строю стоят души людские по струнке.
А ведь каждой из них есть хозяин – живой человек.

2013

КАЗИМИР МАЛЕВИЧ. ЧЕРНЫЙ КВАДРАТ

Он был пророк и написал «Квадрат».
Чернящий, как подвалы преисподней.
Своим прозреньям мастер был не рад.
Ведь портретистом быть всегда доходней,

Чем вглядываться в знаки тех времен,
Которые еще не наступили.
А мор трущобный забирал в полон
Людей, им черти головы кружили.

Болезни опускали в закрома
Для надобности будущих корыстей.
Он знал – тупик всему. Сгущалась Тьма.
Кошмар восстал. Погибла зелень в листьях.

2014

КЛОД МОНЕ

Никто не скажет мне, что тень бесцветна.
Она горит в ночи огнём карминным,
А в полдень отражает радость солнца,
Голубизну вечернюю вбирает в себя,
Играя вежливо с душой,

Навеки породненной с небесами
Во имя беззаветного искусства.
Не может тень прибрать её к рукам.
Привычное сгибается в суставах
Увиденного острым глазом тела,
Оно никак не хочет поддаваться
Насилию заманчивого цвета,
Рождённого вне формы, колорита,
Вне осязанья пятен световых.

Значительность немая алчной тени –
Банальность сути вечных повторений,
Что следуют за путником без спроса,
Пытаясь место громкое занять
В безумстве красок.

Теневой барьер загадочен.
Шагни через него себе навстречу,
Божественную истину приблизив.
Тень развернётся и уйдёт совсем,
Напуганная цвето-фейерверком,
Ей неподвластным.
Сумасшедший мир
Лишь усмехнётся.

2013

ФРИДА КАЛО

Боль, отпусти меня хоть на минуточку, боль, отпусти.
Радость уходит, прости меня, Бог мой, прости.
Где мои краски? Где верная спутница – кисть?
Как от гангрены дремучей хочу я спастись!
Пальцы отрублены, крылья нельзя отобрать.
Можно себя и придуманный мир написать.
Скоро взойду я на гребень живого огня.
Тело больное сожгите, забудьте меня.
Нет, лучше помните лица полотен моих.
Трагипечальны они, но живее живых.
Смертную маску венчаю с последним костром.
Люди, любите друг друга! Уходит на слом
Весь мой разбитый болюче-телесный каркас.
Я стану ланью, вернусь и проведу вас.
Съест попугай гору фруктов и спелый арбуз.
Женщина я, красоту потерять – да! – боюсь.
Дерево корни пустило, смотрите, отец
В нём возрождается. Близок страданиям конец.
Древняя женщина, руки свои протяни
И покачай как в младенчестве. Гаснут огни.
А жизнь продолжается для других.

2013

МОЯ ФАУСТИАНА

1.

Фаустианство – дьявольский синдром.
Теперь скрепляют договор с Мефисто
Родною кровью? Нет! В худой пивнушке
Досужаю безмозглой трепотнёй,
Оставив заверенья на потом,
Чтоб на душе восторженно и чисто
Сверкал алмаз, а не кирдык в кадушке,
Визгливо распевая: о-ё-ёй!
Ленивый чёрт, ему ведь всё равно,
Чьи души закупать в угарных буднях.
Куда ни кинь, христопродавцы-плутни
Устроились комфортно, пьют вино
В обнимку с чертенятами обслуги.
Сегодня Фауст умер бы от скуки,
Забыв о пилигримовой стезе.
Пирожными эклер или безе
Обжорство поощряют чертенята.
Мир измельчал. И в этом виновата
Легенда бесконечная одна.
Содружество кинжала с маргиналом
Давно контракт бессрочный подписало
У Князя Тьмы. Набат гудит. Война!

2.

Первый монолог доктора Фауста

Приблизить ад и дальний рай,
Коснувшись тайны мироздания.
Я муж учёный, ест пиранья
Судьбу мою, хоть погибай.

Досужих сплетен злая тьма –
Стилет наследственный у шеи.
Тупой мажор не понимает:
Здесь есть загадки для ума.

Молва звериная рычит:
«Смотрите! Рядом с ним нечистый!
Подписан кровью белый лист!»
Оболган я, толпой освистан.

Рутинной крепости забор
Завалим. Дальше как? Не знаю.
Вокруг невежество, разор.
Жгу рукописи. Умираю.

3.

Монолог Мефистофеля

В чём виноват? Служу я боссу.
Его веления – закон.
Наш Люцифер гоняет кроссы
По адским печкам, занят он.

А я ловлю кривые души
Средь массы грешников земных.
Внимательно умею слушать
Друзей презренно-дорогих.

Эх, Фауст! Он один из многих,
Кого, не маясь, подчинил.
Ругают все чертей убогих.
А кто-нибудь хоть раз спросил,

Не надоело ли монисто
Из перерубленных костей?
Увы, родился как Мефисто.
Нет счастья в юдоли моей!

4.

Кристофер Вагнер, ученик Фауста

Учитель, я в пробирке сотворил человека!
Живого, сыночка моего большеротого.
А вам плевать! В полночь начну кукарекать,
Рыжую ведьму позову. Крикну: «Вот она!
Сама пришла, роды принять из колбочки».
Хотя какие роды, смех один.
Жизнь мою, учитель, заткнули пробочкой
И выбросили на свалку, мой господин.
А я не хуже Вас, учитель, уже знаю многое
Про небо и звёзды, и ад земной.
Идём с вами долго единой, в камнях, дорогою,
Вы впереди, а я сзади, ваш хвост чумной.
У меня нет куманька, сам по себе корку старую
Жую и стараюсь гранит науки грызть.
Память о себе какую потомкам оставляю я?
Вас все знают, а мне говорят: брысь!
Служу вам столько лет правдой-верою,
А в кармане пусто, денег давно нет.
Когда-нибудь рассчитаюсь (да-да!) полной мерою,
Вздрыгнет от страха и этот, и тот, страшный свет!
Тьма постоянная города накрыла могучие.
Ходим по улицам, не зажигая огня!
Доктор Фауст, я жизнь хочу видеть лучшую.
Вас так много! Но нигде нет меня!

5.

Второй монолог Фауста

Искушение тьмой посильнее, чем доблестью света.
Для познания истины так замечательна ночь.
Благодарности нижним чинам посылают за это,
А расплата крутая, никто не сумеет помочь
Отвертеться от властных затей Люцифер-принципала.
Душу вынет и бросит спокойно в горячий котёл.
Жизнь короткая, радостей в ней исключительно мало.
Повелитель тоски свои длани над сердцем простёр.

6.

Маргарита

Кого привечала, за что я его полюбила?
Старик безобразный, болотных трясин кавалер.
Но тянет к нему нежных слов заморочная сила,
Изящество жестов, набор благородных манер.

Магический доктор, я будто бы крепость в осаде.
Сдаюсь! Пощадите! Берите скорее меня!
Я падаю в пропасть: смешки непристойные сзади,
Разбойничий свист от летящего в небо коня.

Сломали цветок. В грязной луже сидит Маргарита.
Позор свой быстрее от взглядов докучливых прячь!
Украдена юность. Скульптура Авроры разбита.
Приди же за мною, спаситель желанный – палач!

7.

Последний монолог Фауста

Пощадили меня, сквозь эпохи без крыльев летаю.
Навестил фаустят. Крытый оловом век-дромадер
Отошёл от понятий добра и лучистого рая.
Ах, зачем подарил мне бессмертие брат Люцифер?

Он с планетой играет в свои проклятушие игры.
Урожай катастроф, наводнений, цунами и СПИД.
Расплодились и ходят по свету безумные выдры.
Суета лиходейская адским бульоном кипит.

Исхудала наука, совсем обнищали искусства.
Набивают деньгами карманы ура-портачи.
Прагматизм на смену пришёл бескорыстному чувству.
Кто-то спросит: «Что делать?», ему отвечают: «Молчи!»

Мой хозяин доволен, тревожное время настало.
Силы зла на маршруте, пора бы им дать укорот.
Только рыцарей доблести нет, или очень их мало.
Больше тех, кому дорог убийственных знаков комплот.

Что же делать с подарком отверженных, даже не знаю.
Вечной жизнью наказан и снова блуждаю во тьме.
Фаустята смеются, я кротко глаза закрываю.
Век шестнадцатый доброю сказкою видится мне.

2013

СЮР-ФАНТАЗИИ

* * *

Невидимое рядом и в тебе.
Оно как зрячий компас в тьме крошечной.
Боятся его праведник и грешный,
Запутавшись в безвольной ворожбе.

Что глазом не объять – душа найдёт
Способность разглядеть знак потаённый.
Увидел его – станешь обречённый
На муку понимания. Уйдёт

Пленительная лёгкость бытия.
Невидимое, в ярком свете мысли –
Могучий плен. В нём плетью жалкой виснет
Сторонник дел заплечных, мэтр битья.

2014

* * *

Зима – как театральная декорация.
Свет нереально тусклый, антракт.
Куда-то пропала утончённая Грация.
Устала отыгрывать первый акт.

Глагол разлучён с ней – плачет истово.
Ему бы пуститься на поиск Мечты.
И сотворить небывалое. Солнце близкое
Ищет родной идеал Красоты.

Занавес пал, и кулисы распахнуты.
Комедианты ушли на обед.
Пушки достать и погромче бахнуть бы!
Только картонные, настоящих нет.

В плащ пилигримный Глагол укутался.
Грацию будет он долго искать.
Сцена пуста. И клубок не распутался.
Может быть, акт второй здесь начинать?

2014

* * *

Сюрреализм – вещий господин,
Отринувший банальность общих истин.
А без него свободный взгляд немислим
В собрании увёртливых причин.

Летающий над пропастью утех
Замыленного повседневьем глаза,
Он покоряет действительно и сразу.
Но открывает душу не для всех.

Сюрреализм – осторожный друг,
Беспалую протягивает руку.
Пожать её – кому-то смерть и мука.
А либертены посещают круг

Загадок, не решаемых в быту.
Век обреченный оставляет знаки
Юродивым. Бездомные собаки
Грызут в кустах живую маяту.

2014

★ ★ ★

На раскалённой сковородке,
Когда огонь дрова терзал,
Плясали нищий и уродка.
Безносый карлик их ругал.

Корпел гнусавый звук волынки
У погребального костра.
Буржуй пузатый снял ботинки.
Глашатай произнес: «Ураа-а-а!»...

Фигляр колпак съел ради шутки,
Сюртук оставив на потом.
Невинность старой проститутки
Удостоверил рыжий гном.

В таверне, где хлебали пиво
Сапожник, ткач и кирасир,
Глядел в пространство молчаливо
Актёр безграмотный – Шекспир.

Его неистово любили
Народ, чины и высший свет.
Великий автор. Но забыли:
У Билла рукописей нет.

«О, кто меня писать научит?» –
В столетях утонул вопрос.
Над Тауэром сгущались тучи.
Палач свой меч в корзине нёс.

2014

✱ ✱ ✱

Сын ветра, помоги мне улететь
В страну, где обрету приют последний.
И где молчат досужих сплетен бредни.
Сын ветра, помоги мне улететь.

Сын ветра, помоги мне сохранить
Любимую для вольного полёта.
В моём анклавe воздух давит что-то.
И так легко немой восторг убить.

Сын ветра, я твой рыцарь и вассал.
Король Артур пьёт за столом Валгаллы.
Тревогу птица Феникс прокричала.
И трубадур свой инструмент сломал.

Сын ветра, как велик мой горизонт.
Из края в край я вижу всю планету.
Гнезда, в котором жить хотел бы, нету.
Кругом пожар и безнадёжный фронт.

Сын ветра, я поднялся высоко.
Преодолеl земные ураганы.
Затянутся в уставшем сердце раны.
Набаты дней тревожных далеко.

Сын ветра, для меня любовь как вздох,
Наполненный сверхчувственной стихией.
В стране, куда лечу, волхвы родные
Избавили от ядовитых блох

Весь ареал. Убойной хмури нет.
Природа – животворная вакханка –
Сердца влюблённых будит спозаранку
И небу шлёт живых цветов букет.
Сын ветра, помоги мне улететь.

2014

★ ★ ★

Холодный июль – хмурый зять на поминках у тещи.
Звереет обида, прогрызшая дырки в мозгах
Взойти на костер прегрешений – чего бы уж проще?
Мешает липучая нечисть по имени Страх.

Топор обезглавленный хочет напиться водицы.
Пустынные бури спрятали влагу земли.
Ретивый монах к виноградной купели стремится.
Нули опоздали и выиграть куш не смогли.

Доверчивый Яго слегка придушил Дездемону.
Крапленые карты покинули драный рукав.
Оглох здравый смысл, уйдя навсегда в оборону.
Холодный июль повредился в уме. Ледостав.

2014

* * *

Версальский сомелье Жерар
Обслуживал владык фотонных.
Ложь получила гонорар
За толкованье снов бездомных.

Летит к земле на всех парах
Километровый астероид.
Испытывает жгучий страх
Один замученный андроид.

Погрязший в чеках олигарх
В сердцах порвал свою страховку.
Отчаянный стратопедарх
Забросил бомбу на Рублёвку.

Унылые временщики
С козлятами играют в прятки.
Романы пишут дураки.
Танцуют жулики впрысядку.

Земля давно сошла с ума.
Грустит на пенсии реальность.
Полны овсюгом закрома.
Стучится в двери inferнальность.

2014

* * *

Когда сбываются пророчества
Нотаблей древности – волхвов,
Взывает к мести Одиночество
Средь дыма ведьминых костров.

Тоска небесного свечения
На кромке вздыбленной земли
Передаёт обозначения
Истлевших рун. Едва ль могли

Увидеть тонкие материи
Слепо-глухие чернецы.
Опаздывали на мистерии
Пустоголовые скопцы.

Вагантов бедных кличет Истина,
Прорвавшись из небытия.
И вырос градус бескорыстия –
Враг золоченого тряпья.

2014

* * *

Тихая пристань разбитых сердец –
Робкой надежды бесслезная драма.
Что-то бормочет вулкан Фудзияма.
Все ураганы ушли, наконец.

Боль, как подраненный стрепет в гнезде.
Звук утомленного страстью мажора.
Вздых синеглазый объявится скоро?
Лист пожелтевший застыл на воде.

2014

✱ ✱ ✱

Томятся персики на блюде,
Желая прыгнуть в натюрморт.
Ополовиненные люди
Мечтают сотворить комфорт.

Страдают волосы по шапке,
Нелепо отданной в залог.
Затеяла разборку шавка,
Гроза медвежьих берлог.

Ученый муж на перепутье
Родную азбуку забыл.
Лихой простец в болотной мути
Златую рыбку изловил.

Сгорел пирог в холодной печке.
Вошел плясун безногий в раж.
Плывет на середине речки
Один застенчивый муляж.

2014

* * *

И, может быть, подходит срок
Неукоснительных решений.
Ментальный Каин взвел курок,
Отправив к праотцам сомненья.

Конечно же, давно пора
Гасить мечтания шальные.
Но продолжается игра
В метаморфозы заводные.

Страж беспощадный держит банк.
Настал черед крапленой карты.
Висит над шеей бумеранг,
Посланец силы и азарта.

2014

★ ★ ★

Клонированные клеветы
Прогнули спины напоказ.
Хозяин ожидает где-то –
С колючей плеткой дикобраз.

Смиренны радужные лица –
Болванки из папье-маше.
За маленький кусочек пиццы
Канкан танцуют в неглиже.

Народом прирастает база.
Там создается верный клон.
А в арсенале дикобраза
На каждого готов патрон.

2014

КОНКУРС АМБИЦИЙ. ДИПТИХ

1.

И где-то далеко, на конкурсе амбиций,
Печальный лицедей ласкает шапито.
В банановом краю мячом играет львица.
Упало с женских плеч изящное манто.

Пурпурноглазый флер таинственных желаний
Околдовал закат, и вздрогнул юный маг.
Секундный поцелуй, подлунное свиданье.
Накаты звонких чувств и сиротливый флаг.

2.

Сиятельный миньон, друг трепетной Сильфиды,
На флейте из цветов лазурный вальс играл.
Ему припомнил паж вселенские обиды
И на смертельный бой миньона призывал.

Вмиг шпаги обнажив, сошлись два дуэлянта.
Их рядом ожидал каретный экипаж.
Запела звонко сталь, поникли амаранты.
Устроил фейерверк безбашенный кураж.

Споткнулся наш миньон, пронзенный вражьей шпагой,
И флейта не смогла последний звук найти.
Две капли красных бус, наполненные влагой
Сильфидовых потерь, должны теперь цвести

В компании одной с растительным узором.
Миньонный век забыт. О, странности времен.
Сейчас пажи поют шальные песни хором.
Дуэльные ручьи текут со всех сторон.

2014

✱ ✱ ✱

Кто часто пьет целительный бальзам,
Прижавшись к раскаленной сковородке,
Тому не страшен архитарарам,
Друг закадычный многохвостой плетки.

Медузе нужен твердый капюшон,
А черепахе – мягкая подушка.
Удав крольчонком малым покорен.
Разбилась металлическая кружка.

Лысеющий портной костюмы шьет,
Закутавшись в дырявые излишки.
На рельсы встал безумный пароход.
Ученых инспектируют мартышки.

Вся жизнь – парашютный форс-прыжок.
Незыблема реальность парадокса.
Лисичку съел бродяга колобок,
Звезда неутомимого кикбокса.

2014

✱ ✱ ✱

Невидимое рядом и в тебе.
Оно как зрячий компас в тьме кромешной.
Боятся его праведник и грешный,
Запутавшись в безвольной ворожке.

Что глазом не объять – душа найдёт
Способность разглядеть знак потаённый.
Увидел его – станешь обречённый
На муку понимания. Уйдёт

Пленительная лёгкость бытия.
Невидимое в ярком свете мысли –
Могучий плен. В нём плетью жалкой виснет
Сторонник дел заплечных, мэтр битья.

2014

* * *

Озябший бог увидел спичку.
Коробки не было при ней.
Зажечь огонь – людей привычка,
А бога нет среди людей.

Промёрз в космических чертогах...
Кто бы придумал коробок?
Вдруг появился рядом с богом
Ушастый парень Филиппок.

Коробку вынул из кармана,
Развёл трескучий костерок.
Согрелся бог, и средь тумана
Обжог он глиняный горшок.

Горшки не обжигают боги, –
В народе нашем говорят.
У истины порядок строгий.
Но Филиппок поспорить рад.

Узрел он зоркими глазами,
Как бог горшочек обжигал.
Легенда с правдой – рядом с нами...
Несокрушимый идеал

2015

* * *

Потерялись бессмертные души,
Отключив старый секундомер.
Тамбурины глухой ферзь послушал,
Перемолотых войск офицер.

Дремлют в чуткой тоске стадионы.
Вечность бодро командует: “Старт!”
И бегут душ бессмертных колонны
На ковчег у горы Арарат.

Может быть, от потопа спасутся.
Неизбежен секунд ураган.
По воде стаи щепок несутся.
Их проглотит слепой океан.

2015

★ ★ ★

Строки пишут меня на пергаменте жизни:
Кровь и слезы, прозренья, тревоги, восторг.
Я служитель Поэзии, без укоризны,
А с Мамоной закрыл обесславленный торг.

Сокращенье площадки шагреновой кожи
Не пугает давно. Космос – преданный щит.
Мои дни с осажденною крепостью схожи.
Повелитель времен за спиною стоит.

Я хочу стать планетой в астрале глубоком.
Добронравных людей поселить там решусь.
Стих мой сердце откроет в пространстве далеком.
И за это сегодня судьбой расплачусь.

2014

A woman with long dark hair, wearing a vibrant red spaghetti-strap dress and black high-heeled shoes, is captured in a dynamic dance pose. She is viewed from the side and back, with her head tilted upwards and her hands on her hips. The dress is voluminous and appears to be in motion, creating a sense of grace and energy. The background is dark, with a spotlight illuminating the dancer and the floor.

МОНРЕАЛЬ

Романтическая сага в стихах

Данс-пролог

Знойный голос фламенко –
Командир эго-страсти.
От испанской коленки
Своей огненной властью
Подчиняет он звуки.
Плачут гибкие руки.
Каблучков стук призывный,
Кастаньетово-жаркий.
Стон гитары надрывный,
И хлопки – как подарки
От ладоней ритмичных.
Стиль фламенко привычный.
Стиль фламенко чарует.
Глянь: испанка танцует
В платье красного цвета,
Разрываясь на части.
Всё быстрее кастаньеты
Принимают участие
В нарастающих ритмах
Без приват-метронома.
О, фламенко, ты – нитро
Танцевального дома.
Бомба сдержанной силы
На плечах космодрома.
Возбуждённое тело.
Жест пронзительно-смелый,
Благородно-ревнивый
Ищет повод к слиянью
В дрожь-любовном экстазе.
Пик эмоции разве
Победит расстоянья
Между жизнью и смертью?
Ад и рай в круговерти –
Это танец фламенко.
Это буря фламенко.
Это счастье фламенко.
Это грёзы фламенко.
Это гордость фламенко.
Это мудрость фламенко.
Это – любовь.

Похищение

Что я помню? Озеро... тихий берег.
Зайчики солнечные прыгают на воде.
Камешек в воду кину, проверю,
Сколько прыжков он сделает. Где
Ларёк стоит с мороженым. Около него мама.
Сейчас придёт и стаканчик сладкий даст... Ура!
Вдруг надо мною склонился прямо
Бородатый чёрт, он вырос, будто гора.
– Какая красивая девочка, лет сколько тебе, пэри?
– А что тебе за дело? Уже семь.
Я словам твоим, злой удав, не верю.
Уходи отсюда быстрее – и навсегда!
Мама с папой придут, будет плохо-плохо.
Уходи... уходи... Засмеялся противный удав.
– Ах, какая ты дерзкая, милая кроха.
Рот открыл по-звериному и сказал, ухмыляясь: «Гав!»
Я рванулась бежать в сторону телебашни.
Но что-то в плечо меня кольнуло.
И вдруг...
Стало совсем, ну совсем не страшно.
Конечно, я от укула заснула.

Пропал испуг.
Озера нет рядом.
Снится чужой мир.
Куда он понёс меня, с недобрим взглядом
Старый и мерзкий бродяга-вампир?
Наверное, это была дорога.
Машина катилась в гору, а затем – спуск.
Спала я недолго или много?
Беспомощная, как прозрачный моллюск.
Вот и всё, что я знаю, верьте не верьте.
Похищение средь бела дня.
Лежу в машине письмом в конверте.
Спасите же, люди, спасите меня!
«Спасите!» – кричало взахлёб сознание.
А голос молчал. Рот на прочном замке.
Дальше – провал. Темнота и молчанье...
Только остался в детской руке
Маленький камешек – братик озёрный.
Его до сих пор берегу, он дитя.
Увозит меня похититель чёрный.
Зачем? Почему? Куда еду? Где я?

Недоброе утро

Зыбкий свет прогоняет безмолвья трагический мрак.
Малолетняя девочка глазки слегка приоткрыла.
Всё чужое вокруг, запах новый, похожий на мыло.
Руки связаны, трубочка в горле, неведомо как
Очутился ребёнок в стерильной палате больницы.
Тело в гипсе, испугом трепещут сестрички-ресницы.
Шевельнуть ни рукой, ни ногой, хоть кричи, невозможно.
Люди тоже чужие, в халатах и масках... Тревожно.
Птицей бьётся сердечко. Что ей говорят? Незнакомый,
Непонятный язык. Почему она здесь, а не дома?
Как из жуткого бреда, склонились над нею фигуры.
Страшно девочке. Смотрит она исподлобья и хмуро.
Кто-то ласково гладит её по чернявой головке.
Говорить бы погромче, но трубка мешает, чертовка.
Расплываются белые маски, и тьма наступает.
Сон болезненный девочку тихой волной обнимает.
А врачи очень рады: из посттравматической комы
Вышел милый ребёнок. Последствия дикого слома –
Безобразной аварии на автостраде – пугали.
Можно ль жизнь ребёнку спасти, эскулапы не знали.
Переломы и травмы, ушибы с тяжёлой контузией.
Нет надежды, считали хирурги страны Андалусии.
Но боролись за жизнь тяжёлой своей пациентки,
От людей и от Бога им – высшего балла оценки.

★ ★ ★

Месяц комы закончился. Девочка – в общей палате.
Где родные её, андалусским властям надо знать бы.
А ребёнок молчит, как вопросы задать – неизвестно.
Языковой барьер на пути, и шатается кресло,
На котором врачи с полицейскими ёрзают долго.
Кто ты, девочка славная, нами спасённая? Толку
От вопросов ничуть. Твёрдый блок – он хозяин упрямый.
Безнадёжно висит на крючке розыскная программа.
Лишь известно: машины столкнулись на трассе, два трупa –
Бородатый (араб вроде), с ним лысый карлик беззубый.
Документы сгорели, нельзя опознать пострадавших.
И никто не хватился троих, будто с неба упавших.
Интерпол подключили, но следствие долго ведётся.
На ребёнка надежда – дознания нить с ходу рвётся.
Отыскать бы родителей – здесь тоже вышла осечка.
Фактов мало, как влаги в сухой, в умирающей речке.
Что за люди погибли, откуда... Неужто испанцы?
Посторонние с виду – да-да, спору нет, иностранцы.
Самолётом ли, поездом в нашей стране появились.
Эх, визит неудачен, с чужою могилой сроднились.
А девчушка, ну куколка просто, красивая очень.
К ней здоровье вернётся, она рассказать нам захочет,
Что за лихо её привело в наши жаркие земли.
Бог, спаси же малышку, Тебе, Вседержителю, внемлем.
А сейчас пусть кроватку свою ангелок привечает.
Распогодилось небо, летит журавлиная стая.

Чудо

Услышал молитвы Бог.
Врачи сотворили чудо.
Прогноз, он совсем неплох,
А было смертельно худо.
Девчушка чуть ожила.
В больничном саду гуляет.
А с памятью: да, дела...
Ребёнок совсем не знает
Отца и родную мать,
В какой стране проживала.
Ей имя своё назвать
И то невозможно. Мало
О прошлом «живых картин»
В головке её хранится.
Лишь озеро, путь один
Остался на рвань-странице
Мемориум «книги». Мрак.
Забвенья тревожный ступор.
Язык не понять никак.
И спрашивать что-то глупо.

★ ★ ★

Но девочка – ясный свет.
Приветлива, энергична.
Каприз беспросветных нет.
И выглядит (верь!) отлично.
Любимица всех врачей,
Сестричек и санитарок.
Легко и свободно с ней.
Дитя эта как подарок.
Раскосые чуть глаза –
Две тёмненькие маслины.
Неведома им слеза.
Всё скачет на ножках длинных,
Совсем как малютка-лань.
Пластична и грациозна.
А песенке милой дань
Послать никогда не поздно.
В больнице она лежит
Четыре недели кряду.
Аврал-госпитальный быт
Менять очень скоро надо.
И девочке память вернуть
Попробовать бы невредно.
Но сложен к здоровью путь.
Отказы на марш победный.

Заговорила

Доктор уставший цепенеет лицом.
Вроде бы опытный психолог.
Но языка вавилонский синдром –
Безжалостный молох.
Крутится пустых бесед юла,
Похожая на кошмар и бред.
Доктор ответа ждала-ждала
И вдруг по-русски бухнула: – Нет!
Каторга какая-то,
Просто жуть.
Голова как резиновый мяч.
Придумать бы новое что-нибудь...
И в слёзы. Вдруг слышит:
– Не плачь!
Тётя, не плачь!
Голосок живой
Дверь общения отворил.
Доктор опешила: «Боже мой!
Ребёнок заговорил».
– Девочка, милая, это родной
Язык тебе?
Скажи... Да?
– Тётя, не знаю, что со мной!
Как я попала сюда?
– Имя своё ты помнишь?
– Нет!
Не помню почти ничего.
Знаю:
Несёт меня мерзкий дед
С жёлтого берега. Во!
– Маму и папу помнишь?
– Нет!
– Возраст свой?
– Нет. Не знаю.
Я в этой больнице живу

Много лет. Мне весело.
Я не скучаю.
Это мой дом и мои друзья.
Язык только непонятен.
Сюда почему попала я?
Не знаю.
«... Как много пятен
Ложится на детский,
Весь в травмах, мозг,
Святая дева Мария!
Прошное будто
Застывший воск.
Злодейская амнезия.
Но есть контакт!
Можно дальше жить,
В будущее прорваться.
Но как?
Девочке надо мир открыть.
Срочно этим заняться.
Город чудесный – он перед ней,
Красочный, без мантильи.
Так позови же девчущку скорей,
Яркое солнце Севильи».
Мысли такие пустились вскачь
В докторской голове.
– Девочка маленькая. Не плачь,
Я помогу тебе.
Русский язык знаю давно.
Долго в Москве жила.
Тихо глядит малютка в окно.
– Что такое «москва»?
– Город такой в России
Большой.
Всем городам глава.
– Что такое «Россия»? Ой!
Там никогда не была.
А может быть, и была,

Как знать?..
Слёзы текут рекой.
Крепко девчущку к себе прижать,
Дать ей святой покой
Хочет доктор Лючия Круз,
Экстрапсихолог-файн.
Снять поскорее тяжёлый груз
С детской души. Дизайн
Этой палаты весьма уныл.
Для амнезии рай!
Память ребёнка кошмар сгубил.
Как потом будет? Дай
Милой кудряшке терпенья, Бог!
Память вернётся – нет?
Жизнь продолжается. Новый слог
Ищет другой куплет.
Время не может податься вспять.
Только вперёд и вперёд!
– Слушай, малышка... Пойдём гулять.
Город прекрасный ждёт.
Он распахнётся со всей душой.
Радость его – для тебя!
Тётя Лючия теперь с тобой!
Вместе мы – ты и я.

Ярмарка

Цветные ангелочки ярких красок
Затеяли в Севилье дружный пир.
Как много разноцветных платьев, масок.
Бурливая река Гвадалквивир,
Казалось, тоже празднует победу
Над буднями с их пресной чередой.
Кто ярмарочной жизни не изведал,
Тому не знать Испании живой.
В палатках – изобилие, товары
Лежат на полках – подходи, бери!
Площадка рядом. Гитарист с гитарой.
Два барабана. – Ой, смотри, смотри!
Смотри, здесь, рядом, вот оно, Лючия!
Такое чудо! Женщина в огне!
Волшебно! Ураган, пожар, стихия!
Скорей туда! Ну помоги же мне!
Бежит вприпрыжку резвая девчонка
На танец фантастический смотреть.
Дробь барабана застучала громко,
И началась шальная круговерть
Фламенко. У ребёнка пик сиянья
Двух малых звёзд – её чудесных глаз.
Сердечно-танцевальному свиданью –
Счастливым день и вдохновенный час.

★ ★ ★

«Страсть... Кипит-кипит-кипит.
Невидимую сетку срывают
Изящные лебеди-руки.
Ритм... стучит-стучит-стучит.
Гитара отдаёт ему
Пламенно-гордые звуки.
Цокот каблучков
Зовёт любимого
Где же ты,
Мой драгоценный идальго?
Под надёжный кров
Приди ко мне,
Обними, поцелуй
И своим чувствам
Вырваться дай-ка.
Прижмись к моей груди!»

Этих слов не знала юная сеньорита,
Девочка из неизвестной страны.
А в музыке мощная сила скрыта.
Безграничная сила, ей нет цены.
Что-то неведомое случилось с малюткой.
Стояла спокойно и... вот тебе на!
Порыв незнакомый – желанно-чуткий
Вселился... Как будто на крыльях она
Взлетела на край танцевальной площадки,
Где воля фламенко творила аллюр.
И тоненькой змейкой под солнцем жарким
Вслед за танцовщицей, жрицей фигур,
Неистово, трепетно, чуть неуклюже
Призывы фламенко в себя приняла
Саламандра в джинсиках. Танец контужен?
Нет, она в нём новый факел зажгла.
Синие джинсы и красное платье
Суперартистки в соитье одном.
Ритмы качнулись, как пьяные братья,
Но удержались. Что было потом?
Мастер фламенко Эрнандес Бенита
И незнакомая девочка – блеск! –
Танец продолжили.
Праздник открытый
Ярмарке выдал подарок – бурлеск
С юным созданием отпад-импровиза.
Люди кричали им «Бис!» и «Браво!»
Площадь оформила девочке визу
На проживание в Севилье. Право,
Город не видел подобных затей.
Ну и девчоночка! Весело ей.

Бенита

Бенита растерянная, в сомненьях.
Танцует пульс.
– Откуда здесь юное наваждение
И чей искус?
Девчонка – фламенковая богиня,
Факир огня.
Зовут её как, кто мне скажет имя?
Не знаю я.
– Я тоже его не знаю, Бенита.
Колечко бус
Пальцы вертят, и взгляд открытый
Лючии Круз
Тревожит красавицу в красном платье.
Вопрос простой:
– Где у неё мама и сёстры, братья?
О, Боже мой!
Лючия подходит к подруге близко.
– Прости меня.
Сироту забрала (и дала расписку).
Хотела я
Праздник устроить и настроенье
Ей приподнять.
Что у сиротки есть? Груз мучений.
Одна кровать
В нашей больнице. И неизвестно,

Где отчий дом.
Возраст – лет семь, да, имеет место.
Так и живём.
Смотрит на девочку нежно Бенита,
Не оторвать.
«К танцу способна... о... даровита!
Кураж и стать
В ней, в этой ангельски чистой малышке.
Поможет Бог!
Дочку такую иметь бы нелишне.
Отъехал срок
Необходимого деторожденья.
Ворчит луна.
Буду бездетной я без сомненья.
Всегда одна.
Рядом Фульхенсио, муж любимый,
И что с того?
Ведь без детей жизнь проходит мимо.
Нет ничего,
Кроме работы в искусстве танца.
Пора стареть...
В мраке кулис, без огней и глянца,
Мне помереть».

* * *

Бенита с Люцией на сцене сидят дощатой,
Обнявшись – подруги весёлых и грустных дней.
Над их головами ангел и демон крылатый
Спорят друг с другом, чей харизмат сильней.
Ангелу хочется счастья для них, конечно.
Демону нужен каверзных дел мешок.
Спор этот, как мирозданье, упорно вечен.
Кто разрешить его может? Владыка Рок.

* * *

Юный курносик, на лобике дерзкая чёлка,
Вся напряглась, как прижатая к деке струна.
Глазки темнеют, ступни лихо правят чечётку.
Душу накрыла невиданной мощи волна.
Резкий рывок – и в объятья упала к Бените,
Красное платье в ладошке сухой теребя.
– Тётя Лючия, скажите ей, просто скажите!
Вспомнила всё! Я нашла тебя, мама моя!
Мамочка, здравствуй, ну где ты была? Я скучаю!
Ты не бросай меня больше, родная, молю!..
Плачем ребёнка севильская площадь страдает.
Русское слово на ней поселилось: «люблю».
Этот язык непонятен, чужая программа
Звуков – к сознанию Бениты едва ли дошла.
Слово единое стало ей дорого: «мама».
Сердцем уставшим Бенита его приняла.
Тесно в груди. Боль и радость дыханье сковали:
«Бог милосердный услышал молитвы мои».
– Девочка, солнышко ясное, мы не пропали!
Женские слёзы упали на тело Земли.

Мануэла в Севилье

Домик уютный с колоннами.
В комнатах – свет и тепло.
Домик с цветами, балконами.
Вот ведь куда занесло
Девочку травмо-больничную.
Факт: обретенье семьи.
Радостно и непривычно
Жить здесь. Бените смогли
Удочерение выправить
Без ожидальных помех.
Жизнь глагол подарила: «быть».
Солнце в зените. Успех.
Тут и Севилья-красавица
В лоно своё приняла
Чудо-плясунью. Ей нравятся
Люди большого крыла,
Люди порывов отчаянных.
Бой-созидательный пул
Гонит распад-неприкаянных.
Ветер счастливый подул.

Бенита глаз не оторвёт от своей звёздно-трепетной дочки.
 Ходит будто по воздуху – настроенческая левитация.
 Фульхенсио Эрнандес пребывает в родительской заморочке.
 Два десятка лет брака бездетного и вдруг – щебетунья-грация
 Заполонила собою дом, все большие комнаты.
 Танцует, на незнакомом языке поёт.
 Часы и минуты в твёрдо-жёсткий кулак сомкнуты.
 Время марафон бесконечный устроило – цейтнот.
 Репетиции, концерты, заботы о юной проказнице.
 Трудновато, конечно, но беды тёмно-горькой нет.
 Бездетная жизнь и нынешняя... большая разница.
 Любят ребёнка приёмного, как родного, – судьбе ответ.
 Имя дали красивое, андалусское, вслушайтесь – Мануэла.
 Прелесть гитарного звука в нём – форс-аккорд.
 Девочка выздоровела совсем, похорошела.
 Но память о прошлом – замёрзший в снегах фиорд.
 Вписалась малышка в праздничный город Севилья,
 Кажется, в нём родилась семь лет назад.
 Отец и мама игрушки, платья ей закупили.
 Девочка очень довольна, отец ещё больше рад.
 Носит на собственной шее по жарким улицам.
 – Папа, да отпусти меня, сама побегу.
 Опять незнакомый язык! Фульхенсио щурится:
 «Я эту проблему решить, безусловно, могу».
 Стали учить Мануэлу языку испанскому.
 Сами занимаются, и педагоги ходят домой.
 – Вот если ещё английский да с итальянским бы
 Дать ребёнку, Бенита. – О кей. Устрой».
 Незаметно осень на золотой повозке подъехала.
 В школу Мануэла пошла, здравствуй, первый класс.
 Детских голосов переключка множится звонким эхом.
 Учителя и ребята окружили Эрнандесов – вот те раз!
 Великие артисты фламенко, Фульхенсио и Бенита
 Девчущку симпатичную к ним привели – ого!
 Первая страница новой жизни слегка открыта.
 Превьяняя страница захлопнута. Она далеко.

Мануэла любит городской пейзаж.
Улицы добры к ней, прямо сёстры.
Множество лошадок. Сядем в экипаж,
Очень привлекательный и пёстрый.
И поедem с мамой город посмотреть.
Здесь асфальт приветлив – ровный, гладкий.
А дворцы с домами – просто обалдеть.
Каждый – торт бисквитный с шоколадкой.
Башенки на крыше, рядом бьёт фонтан.
Брызги разноцветные гуляют.
Девочка свой первый, радостный роман
С городом чудес переживает.
Площадь торжествует – женщины поют.
Запевала – юноша высокий.
Велосипедисты на педали жмут.
Ими переполнены дороги.
Через три квартала – девушек отряд.
Приглядись: знакома эта сценка.
Хлопанье в ладоши под гитарный лад.
Танец отрывается – фламенко.
Мануэла (Муна!) с экипажа прыг!
В круг детей весёлый побежала.
Много ли ей надо? Полсекундный миг.
Всё забыв, с восторгом танцевала.

А потом к лошадке тихо подошла.
Сахару кусок ей предложила.
Лошадь благодарно холкой повела,
Осторожно взяв подарок. Мило.
От отца и мамы ей отказы – в ноль.
Все желанья сразу выполняют.
Балуют девчушку. Но каприза соль
В чашу длинных дней не попадает.
Учится прилежно в классе, на дому.
В языке испанском есть успехи.
Да, характер сильный Муны, посему
В ауте досадные помехи.
И пример хороший – матери, отца.
Труд артистов ей уже привычен.
Делать всё на совесть – крепко, до конца.
Это будни, их черёд обычен.
Знает Мануэла, что такое труд
Чрез усталость, аж гудят коленки.
Праздники Севильи – братики минут.
А часы – для сцены и фламенко.

Уроки искусства

Дети иностранный язык учат быстро,
Не то что взрослые, им труднее.
Не испанском говорит (как перебирает монисто)
Мануэла-умница – никто не смеет
Упрекнуть её в неге ленивой или в безделье.
Дни и месяцы закрутились, как в большой карусели.
Севильские прогулки, предметы в классе, за них оценки
Лучшие из лучших. А вечером ещё школа фламенко.
Здесь много лет преподают родители маленькой Муны.
Их дочь на каждом занятии сидит, перебирая струны
Своей гитары – подарок отца и мамы ко дню рождения.
К ребёнку в этой школе приходит желание и вдохновенье
Всерьёз освоить премудрости жаркого танца,
Без дилетантских нелепостей в коже фальшивого глянца.
Возраст малолетний, дают ей нагрузку немного – по силам.
А ей надо больше и больше, о чём со слезами просила.
– погоди же, родная, всему свой черёд, свои сроки, –
Отвечала Бенита. И так продолжались уроки.

Удар-каблук, удар-носок,
Удар стопой, удар скользящий.
Спина прямая. Будет прок
От этой школы настоящей.
Локтями словно держишь шар.
Плывут в круженье твои руки.
А чувство ритма – это дар.
Легко танцуешь, без натуги.
Но утомителен процесс.
Терпенье, тыщу раз терпенье.
Случаются невольный стресс
И перепады настроенья.
У силы воли – свой резерв.
Мунита – хрупкое создание,
Удерживает каждый нерв
На марафоне созиданья
Хореографии большой –
Искусства пластики и страсти.
Сказать бы Мануэле: «Стой!»
И убежать от буйной власти
Фламенкостроевских начал.
Но гордость ей не позволяет
Растить слабинку. День упал.
Ночь незаметно наступает.
Спать невозможно. Так болит
Натруженное в танце тело.
А мама веско говорит:
– На отдых отправляйся смело.
Ты многое умеешь, да,
От Бога вся твоя сноровка.
– Нет, не пойду я никуда, –
И продолжает тренировки.
Родителям не укротить
Драйв-танцевальное начало.
Его ничем не заменить
У Мануэлы. Жизнь листала
Страницы многотрудных дней.
Желанно-сладкая работа
Характер делала сильней
На стыке будней и полёта.

★ ★ ★

Дни напряжённые, месяцы, годы.
Девочка крепла и быстро росла.
Танец фламенко – носитель свободы.
В нём своё счастье артистка нашла.
С мамой, отцом выступает на сцене.
Трио Эрнандесов – бренд золотой.
Экстра-гастроли в Мадриде и Вене,
В странах далёких и близких. Покой
Даже не снится сейчас Мануэле.
Жизнь в искусстве чудесна – дерзай!
Вечер грядёт, тени наземь присели.
Крышка рояля открыта – играй!
Музыке учится девочка тоже.
Класс фортепьяно нравится ей.
Связка гармоний понятия умножит
В танце глубоких и сильных страстей.

Дуэндэ

Дуэндэ – фламенко сакральный дух.
Цветущая роза живого Бога.
Сердце угасшее режет слух,
И танец становится недотрогой
Для тех, кто эмоций пучок забыл,
Мертвеют жесты в холодной ряске.
«Здесь нет огня!» Приговор накрыл
Танцора ушатом стыдливой краски.
Севиля помнит один концерт,
Безумство ритмов красавиц юных.
Аллегро-конкурс. Кто знает? Нет?
На перекрёстке мелодий струнных
Седая бабушка верх взяла.
Ей было восемьдесят – призёрка!
В ней страсть неистовая жила.
Бой-каблуки задавали порку
Танцполу. Искры летели в зал –
Взрыв победительного посыла.
Господь ей внутренней силы дал
И чувств огонь гнал чертей унылых.

★ ★ ★

Бенита с мужем растили дочь,
Учили технике, всё как надо.
Ей аплодируют, и не прочь
Для Муны делать концерт-парады
Отдельно. Мощный ангажемент
Представлен юной премьер-солистке.
Огромный зрительский контингент
В её концертно-богатом списке.
А возраст малый – шестнадцать лет.
И надо много чему учиться.
Традиций древних святой завет
Прочнее должен в ней укрепиться,
Решили мама с отцом. Пусть так.
Послушна Муна, не возражала.
Ей дом родительский – не пустяк.
Она родителей обожала.
Любовью созданная семья –
Мажор с плагальным диминуэндо.
Витает в воздухе, не шутя,
Над Мануэлой призыв дуэнде.

«Громче звучи, страстная песня моего одиночества.
 Кладу тебя на алтарь своих побед.
 Руки мои живут, как лебеди в клетке: Их Высочества,
 Принцессы они, утеравшие прошлого след.
 Молча стонет во мне, танцующей, нега любовная
 Не знаю, кого люблю, но горит моих чувств костёр.
 Гордые взгляды мечу. Я красивая, я бесподобная.
 Танец фламенко – возлюбленный мною сеньор.
 Я отдаюсь ему сердцем своим и душой незапятнанной.
 Всю забирай меня сразу к себе, мой удел не щадя.
 Что-то во мне непонятно-волшебное, тайное спрятано.
 Чувствую руку могучую... входят знаменья в меня?
 Ритмы безумные рвутся наружу каскадом безудержным.
 И кастаньеты-щелкунчики буйную пляску творят.
 Вижу картины какие-то странные, сделать ведь нужно бы
 Людям послание срочное. Чувствую – крыши горят.
 Огненный зверь пожирает дома, это где? Далеко? В Андалусии?
 Может, случилось несчастье в Севилье родной?
 Музыка тише и тише, все ритмы зажалась и струсили.
 – Мама! Скорее! Туда! Там пожар! Кто остался живой? –
 Крик Мануэлы упал в тишину, как глава отсечённая.
 Зрительный зал потихонечку начал шептаться, роптать:
 – Эй, Мануэла! Танцуй! Что за мысль пришла похоронная?
 Пара людей молодых всё же вышла из зала – узнать,
 Нет ли, действительно, бури, цунами, огня, наводнения,
 Чтобы не мучила горькая совесть-злодейка потом?
 Вскоре вернулись они. Бледный вид. И в глазах изумление.
 – Правда, сеньоры. В Севилье горит губернаторский дом.
 И к Мануэле: – Откуда узнала ты, девочка, солнышко милое,
 Что навернулась на город такая большая беда?
 – Я танцевала – и всё. Вдруг меня... не спросив... посетило вот
 Это видение страшное. Вы мне не верите, да?
 Зал погрузился в молчание. Эхо от каждого шороха.
 Мысли людские потупили взор, как шеренга девиц-недотрог:
 «Чудо небесное... мощи архангельской яркие всполохи.
 Сила дуэнде вошла в Мануэлу. Свершилось. Жив Бог!»

И так повторялось бесщётно, всё снова и снова.
Момент погружения в танец – видениям старт.
Круги предсказаний, они обходились сурово
С вещуньей-танцовщицей, будто входили в азарт,
Когда она связку поверженных чувств отдавала
Безумию музыки. Сердце качалось в груди.
Душевная боль осторожности панцирь ломала.
Фламенко бурлит. Объяснение попробуй найди
Предчувствиям этим – на камешках здравого смысла.
Танцует неистово, вдруг озаренье вошло:
Проклятье над маленьким городом прочно зависло.
Прорвало плотину, людей и дома унесло.
Вокруг апокалипсис. Дикий аврал наводнения.
«Молчу. Не могу. Не скажу. Вдруг ошибка? Ой-ой!»
Прервался фламенковый тур. – Принимайте решение!
Селение гибнет! Я чувствую! К чёрту покой!
Опять не поверили Муне. Но всё же решили
В спецслужбы послать для очистки тревожный сигнал.
И вновь Мануэла права, это ей подтвердили.
Деревня Пуэбло страдает. Нептуновый вал.

* * *

Горячие нервы заправлены в деку гитары.
Степ-драйверы сходят с ума, голосит вокалист.
И с каждым каскадом ладонево-звонких ударов
Года пробегали, отринув исписанный лист
Отчаянной книги судьбы, где концы и начала
Повязаны нитью одной, не распутаешь вдруг.
Дуэнде – ковчег внеземной, ему ритмики мало.
Идёт погруженье в астрально-загадочный круг.

Первая встреча

«Танец любимый, отдай мне свою кровь и веру.
Где-то красавицу ждёт молодой кабальеро.
Дева-ладья паруса всех надежд поднимает.
Гвадалквивир её нежной волною ласкает.
Эй, кабальеро, лови взор пленительной страсти.
Ты покоришься моей победительной власти.
Жар Андалусии с музыкой солнечной – пара.
Рвётся со мной подружиться цыганка-гитара».

Глаза... глаза... глаза... пугающе родные.
В них отсветы тревог, немая тайна грёз.
Прорваться нелегко сквозь ритмы заводные,
И нелегко задать прямой, как штык, вопрос:
«Я что, схожу с ума, танцующая птица?
И почему мне вдруг так больно стало жить?»
Проколота душа одною острой спицей.
Ни охнуть, ни вздохнуть, ни просто говорить.
Идальго молодой, брюнет с волнистой прядью.
Красив, как Аполлон, как стройный кипарис.
Овальное лицо, излом бровей. Эх, взять бы
Очей бездонных синь в таинственность кулис
И разглядеть вблизи. Желанье Мануэлы
Немыслимо, пока витийствует концерт.
Глаза – как два ружья на линии расстрела.
И обладатель их – опасный инсургент.*
Готов он в плен забрать без промедленья Муну.
Но танец – верный страж, его не победить.
Воздвигнутый барьер, перкуссионно-струнный*,
Двум ищущим сердцам велел повременить.
Дзынь! Взгляды сопряглись... Ударное волнение.
Высоковольтный ток. Открытых чувств накат.
Фламенко – это власть над морем настроений,
Готовый к марш-броску дуэндовый солдат.

**Инсургенты (лат.) – повстанцы.*

**Перкуссия (лат.) – ритмичное постукивание ладонями друг о друга – в танце, по ударному инструменту – в музыке.*

«Остановись, мой сумасшедший друг,
«Мой танец – сталкер бешеного рока.
Я чувствую – дрожит, страдая, круг
Видений. Моя воля-недотрога
Приказ диктует: оглянись вокруг!
Я вижу: самолёт упал. О, Боже!
Салон горит, злодейка-смерть пришла.
У пассажира одного похожи
Глаза на те, которые нашла
В шестом ряду испанского театра.
Когда это случится... Может, завтра,
А может, этой ночью? Плачет звук.
Что делать? Припечатался каблук,
За ним другой, и танец захлебнулся.
Пол забулдыжно подо мной качнулся –
И тишина. Бегу... бегу... бегу
К шестому ряду – пристани спасенья.
Ещё остановить его могу.
Нет у меня ни силы, ни терпенья
Идти спокойным шагом. Вот и он.
Ресницами моргает. Кода. Ступор.
Кричу я, будто в мегафонный рупор:
– Авиарейс твой – слышишь? – отменён!
Не вздумай из Севильи улетать.
Сиди на месте! Будь со мной здесь! Точка!»
Свидетели невольной заморочки
Пытаются хоть что-нибудь понять,
Но тщетно. Зал лишился языка.
Друг в друга два лица, застыв, смотрели.
Эмоции торнадовой качели
Порядок унесли за облака.
Всё продолжалось несколько минут.
И вновь на сцену наша Мануэла.
Программа не зависла. Сердце пело.
Фламенко повторяло ритмов бунт.
А после выступления сошлись
На предфонтанной улице Севильи
Две молодые стати. Их любили
Дневные звёзды. Ветры пронеслись.
Остался штиль.

– Как тебя зовут? Скажи быстрее!
– Мануэла я. А ты? – Арам.
Выступить мне надо в Эритрее.
Я скрипач, концерт с оркестром там.
Должен быть сегодня я в полёте.
Задержала ты меня, увы.
Что случилось в нашем самолёте?
Не сносить повинной головы,
Если на концерт я опоздаю.
– Потерпи. Не вечер. Не беда.
Завтра утром позвоню, узнаю –
Сбудется виденье? Нет иль да?
Я всегда предчувствую события,
Юною Кассандрой катастроф
Люди называют меня. Жить бы,
Как другие... Не могу. Таков
У меня внезапный дар открылся,
Только в танце чувствую беду.
Видела я, самолёт накрылся!
В нём был ты. – Прости, но я пойду
Надо уезжать мне, Мануэла.
Сотовый у юноши звонит.
Мамин голос: «Сын! Я поседела.
Лайнер твой, он вдребезги разбит!
Думала, и ты погиб, мой мальчик!
Счастье ведь какое! Жив-здоров!
Осторожней будь, любимый зайчик!»
У Арама больше нету слов:
– Мануэла, ты моя богиня.
Ты во всём права. Мне жизнь спасла.
Лучшая на свете берегиня.
Ночь. Луна на небосвод взошла.
Мануэла плачет, как ребёнок.
Гладит молча руку ей Арам.
И любовь (привязчивый скворчонок)
Прислонилась к нежным берегам.

Виола любви

Сады Алькасара. Дурманящий запах цветов.
Шикарное пиршество красок. Фигурные клумбы.
Здесь каждый пришедший забыть о тревогах готов.
Легко на душе, не прессуют чугунные тумбы
Ошибок и страха, внезапно свалившихся бед.
Нашла себе добрый приют вдохновенная пара.
Арам на свидании с Муной. В руках – инструмент.
На скрипку похож, и на альт, и слегка на гитару.
Виоль д'амур* «папа» четыреста лет среди людей.
Он предок собратьям по струнно-звучащему клану.
Играет Арам Авакян для любимой своей,
Как будто бы лечит народа армянского рану.
Понятие «спюрк» геноциду и смерти сродни.
В начале двадцатого века армян турки подло изгнали.
Арама прабабушки, прадеды с древней земли
В Севилье покой и достаток житейский узнали.
Виоль д'амур-музыка грустью тончайшей полна.
Прислушайтесь – голос прозрачный, как песня ребёнка.
Но радость в нём тоже гнездится – живая она.
И сердце Муниты не может остаться в сторонке.
Объятья горячие. Шепчет стихи поцелуй.
В едином экстазе сливаются юные губы.
Приветливый грот с озерцом, горстка солнечных струй.
И небо в алмазах. Архангелы вынули трубы.

**Виоль д'амур (итал.) – виола любви.*

* * *

Контральтовая ласка виоль д'амура
В сердечке Мануэлы – совсем родная.
Тюльпанно-орхидейные фиоритуры
Главных струн с резонансными пробуждают
Бессловесную сагу открытых признаний.
И любовь расцветает муаровой тканью
На изящной волне музыкальных приливов.
У Арама и Муны – период красивый.
У Арама и Муны – медовое счастье.
Его трудно закрыть иль украсть в одночасье.
Золотая Севилья, сады Алькасара
Принимают в себя нашу звонкую пару.

Взявшись за руки, Муна с Арамом свободно гуляют.
Даже площадь Испании быть им вдвоём помогает.
Они много уже рассказали историй друг другу.
Взгляд восторженный кинул однажды Арам на подругу.
– Ты красивая очень! Севильи волшебной царица!
Разве можно, хоть раз посмотрев на тебя, не влюбиться
В твои очи? Они как маслины, зарницы Востока.
Только чувствую я иногда, как вопрос одинокий,
Блиц-потерянный взгляд под шатрами-ресницами Муны.
Что случилось с тобой на просторах и в кущах подлунных?
– Ой, не знаю, где дом мой родимый, поверь мне, не знаю.
В Андалусии я – много лет уж прошло – проживаю.
Рассказала историю всю до конца Мануэла.
Без утайки Араму доверила жизнь свою смело.
Про Фульхенсио всё рассказала и маму Бениту.
И том, что прозренья дуэндовый дар знаменитый
Не помог ей пройти за кордон детских лет катастрофы.
Её память закрыта, как стёртые начисто строфы.
Помрачнел Авакян: – Это горе твоё, Мануэла,
Я беру на себя и узнаю, конечно, в чём дело.
Благодарно на парня любимого глянула Муна.
Тихо вздрогнули дети вибраций – виолоры струны.

Музыка сама пишет биографии тех людей,
 Которые извлекают её из шифровок нотного стана.
 Вот и Арам Авакян – скрипач и альтист-чародей –
 Архитектор судьбы, что торопит его неустанно.
 Бетховенские сонаты играет – будет эмоций напярк.
 Пьесы Фрица Крейсlera – к лёгкому флирту, романам.
 А любовь к Муните озвучить ему чем и как?
 В ней – страсть и нега, погожие дни и туманы.
 Разлуки нередкие – график концертов составлен впритык.
 Вместе с «привет, дорогая» соседом «прощай – до свиданья».
 У Мануэлы – парад выступлений. Заполнен концертный дневник.
 Долг всевозможных контрактов – уверенный джинн расставаний.
 Но возникает фиестовый голод, и вот они снова вдвоём.
 Как замечательно время безбашенно-дерзостной ночи!
 Брезжит рассвет. Мега-будни рабочие крепко сидят за рулём.
 Доля артистов – поездки, а чувств перекааты заклеены скотчем.
 На рубеже симфонических взрывов – фламенко, галоп и аллюр.
 Хлопоты резких перкуссий и пьяно виоль д'амур-брата,
 Всё по отдельности. Жизненный контражур
 Прячет в тени Мануэло-Арамову грусть, не сыскать виноватых.
 Архистратиг-композитор – ваятель больших партитур –
 Сам написал для них ново-дуэтное кредо.
 Танцу фламенко в партнёры добавится виоль д'амур.
 – Как тебе, джан мой любимый, скажи мне, понравится это?
 Сила дуэнде внушила Муните: а надо ль страдать?
 Может погибнуть любовь, породнившись с разлукой.
 – Будем с тобой мы в концертах вдвоём выступать.
 Наш импрессарио – Бог всемогущий – он станет порукой
 Долгому счастью, насыщенно творческим дням.
 Надо за новую суперпрограмму быстрее садиться.
 Кто возражает? Зажёгся идеей довольный Арам.
 Музыка радости едет в мажор-колеснице.

Фламенко и виоль д'амур в дуэте?
Такого не бывало никогда.
Арам и Муна – лучшие на свете
Артисты покоряли города.
Им хлопали неистово и страстно.
Виолы тихий звук пробил сердца.
А танец, как платок тореро – красный,
Вбирал в себя фанатов до конца.
Казалось бы, они несовместимы –
Виольдамурный голос и танц-взрыв.
Сомненья вкуса пролетали мимо.
Власть обретал дуэндоровый прорыв.
Он отнимал всё время и все силы
У Мануэлы с другом дорогим.
Случилось так, что девушка забыла
Свой вещей дар и попрощалась с ним
Наверное, не навсегда, на время.
Наступит час, и он возникнет вновь.
Фламенко-музыкальные прозренья
Осиротила первая любовь.
Её посылы в звуках отражались
И в пластике – на грани божества.
С искусством вдохновенным побратались
Живые чувства. Сила их росла
Не днями и часами, а в мгновенья.
Привычной эзотерики кумир –
Дуэнде – повернул судьбы теченье
И выпустил на волю, как факир.

* * *

Вальсы и мазурки, лендлеры и багатели
Окружить Арама и Муну волшебной сумели
Такой белооблачной аурой, что не оставалось просвета
Для боли щемящей. Наверное, счастье это,
Когда просыпаешься утром, и музыка райская льётся
В души открытые. Значит, грустить не придётся
Любящим личностям. Быт их совсем не пугает.
Муна с Арамом друг другу всегда помогают.
Оба легко управляют с очень приветливым домом.
Взял он в аренду – спасибо хорошим знакомым.
Здесь и Бенита с Фульхенсио – гости желанно-родные.
Мама и папа Арама – они никому не чужие.
Ведь Гаянэ с Теватросом зовут Муну ласково дочкой.
А у Эрнандесов в доме Арам стал любимым сыночком.
Так состоялся «ансамбль» испано-армянский в Севилье.
Дружный аккорд человечности слышен через многие мили.

Испытание

У любви договор не подписан с идиллией долгой.
Контролёр бытия, он всегда на бессонном посту.
День пришёл мордохмурый, с туманною моросью волглой,
Отнимая парад эйфорий. Прокричал на лету
Белый ворон – бродяга – тревог и тоски птеродактиль.
Двинул контрфагот к поднебесью минорную рать.
Разбежались по тёмным углам амфибрахий и дактиль.
Музыкальные фразы в единый мотив не собрать.
Сердце Муны встряхнулось – барометр интуитивный
Подсказал: скоро буря. Ладью опрокинул гребец.
Раздраконил сознание вирус тревоги активной
И посланье беззвучное выкинул: «Болен отец!»
– Торопись же, Арам, приближаются дикие ветры!
– Успокойся, родная, я рядом! В машину! Скорей!
Быстроходный «сеат» подминал под себя километры.
Скоростное движение любит удобный хайвей.
Вот родительский дом. Тишина. Не колышутся шторы.
Сиротлива лужайка. Отсрочен приветствия культ.
Дверь открыта. Вбежали. Сейчас бы начать разговоры.
Но Бенита в слезах. Губы шепчут: «У папы инсульт».
– Стало плохо ему на концерте. Он в танце качнулся.
Побледнел, что-то крикнул и на спину резко упал.
Кто-то с близкого ряда к нему подбежал и нагнулся,
Глянул только и скорую помощь немедля позвал.
Я поехала с ним и всю ночь просидела в больнице.
Подтвердился инсультный диагноз... ввалилась беда.
А до вас, дорогие, никак не могла дозвониться.
Как узнали вы? – Мама... почуяла... надо сюда!
Наступило тяжёлое время. Чета Авакянов
Помогала безмерно. Комплот двух чудесных семей
Как бальзам исцелял у Бениты сердечную рану.
Не найти во всём свете таких бескорыстных людей.
Был Фульхенсио в коме. Дежурили попеременно
Теватрос, Гаянэ, Мануэла, Бенита, Арам.
И ещё добрый ангел – хранитель небесно-бессменный –

Перед Богом поклялся: «Я сгинуть артисту не дам».
«Ночь на Лысой горе» в это страшное время гремела.
Композитор Мусóргский* чертей загонял прямо в ад.
Обнажённая ведьма в котле Вельзевула горела,
Без надежды спастись и вернуться к подругам назад.
Музыкальные страсти бессонницей Муну долбили.
Она плакала молча, твердея спокойным лицом.
«Только выживи, папа, тебя бы мы больше любили,
Чем вчера и сегодня. А всё остальное – потом!
И Арам Авакян – это голубоглазое чудо,
Не отходит от Муны. «Что сделать ещё? Говори?»
Верный друг, он готовит обеды и моет посуду.
Благодарная песня гнездится у Муны внутри.
Отменил все концерты. Внезапно нависшее горе
Помогает осилить. Бесспорно, поступок мужской.
Ведь любовь настоящая – как разлитое море,
Где порт верности только один, и не нужен другой.
Через тридцать пять дней стало лучше отцу, и опаски
Повторенья инсульта (врачи обнадёжили) нет.
Отпустили Фульхенсио. Слаб он, и едет в коляске
По Севилье. Арам с Мануэлой везут его. Вслед
Почитатели шлют им поклоны, улыбки, приветы.
Знаменитые люди Эрнандесы – что говорить.
Звуки музыки солнечной – дети сердечного света –
Разогнали бездонную тьму. Надо верить и жить!

** Родоначальником знаменитого композитора М.П. Мусоргского был Роман Васильевич, по прозвищу Мусорга. «Мусургос» по-гречески «певец, музыкант». Не отсюда ли прозвище предка, как нельзя лучше оправдавшее себя в фамилии потомка? Правильное произношение фамилии великого русского классика – с ударением на «о» второго слога.*

Звонок из Канады

Срок подошёл эпохе перемен.
Нельзя всю жизнь просидеть в Севилье.
Однажды Мануэле позвонили:
«Вам добрый день. Меня зовут Ален.
Здесь Монреаль, провинция Квебек.
Продюсер я, фламенко обожаю.
И вас с Арамом очень уважаю.
Концерты ваши не забуду век.
Возникла тема: заключить контракт
На ваши выступления с Арамом.
Но есть ещё одна суперпрограмма.
Пока мечта. А может быть, и так,
Что захотите школу вы открыть –
Фламенковую школу в Монреале.
Чтобы людей вы танцу обучали.
Маэстро Авакяну предложить
Арт-хаусный проект с виоль д'амуром.
Поверьте мне, отнюдь не синекура.
Удивлены? Конечно, так и быть:
Даю я время вам для размышлений.
За беспокойство – тыщу извинений.
Ответа жду. И буду вам звонить».
Такой вот неожиданный момент.
Задумались Арам и Мануэла.
Отказ послать или ответить смело,
Согласны, мол, начать ангажемент

Или контракт с Аленом подписать.
Всё это, безусловно, интересно.
Проект им близкий в творчестве совместном.
Родителям желательно сказать,
Какие намечаются здесь планы.
Совет семейный. Встретились два клана.
Подумали. Детали обсудили.
В Канаду отпустить детей решили.
Шанс интересный, потерять нельзя
Возможностей непознанных границы.
У Гаянэ с Бенитой грусть на лицах.
Мужчины успокаивают: «Зря
Волнуетесь за молодых, не надо
Бояться жизни. Им пришла награда
За прошлые концерты и успех.
Такая радость и для нас для всех.
Родителей своих не забывайте.
Звоните чаще. В гости приезжайте».
Отца и мамы сердце – это боль,
И беспокойства непреодолимость.
Нужны и пониманье, и решимость.
Родительского эгоизма соль
Быстрее растворится. Благ и счастья,
Любви и бесконечного согласия
Желают детям близкие. Итак,
Пятнадцать лет в прекраснейшей Севилье
Для Мануэлы завершились. Крылья
Расправлены. Другой прописан знак
В судьбе Арама и его Муниты.
Им двери в новый мир уже открыты.

Город-праздник

Улыбка вальса – это Монреаль.
Ликует радость – это настроенье
Арама с Муной. Каждое строенье
И улицы с изюминкой. Не жаль
Потратить время на ура-прогулки.
О, Монреаль – волшебная шкатулка
Сюрпризов. Лента-мост Жако Картье –
Жак заложил сей город вдохновенный.
Спасибо, брат Андрэ благословенный,
Ты выстроил Иосифа собор.
Две тыщи двести мест – какой простор
Молящимся. Величественный кров.
Вверху пятьдесят шесть колоколов.
Их чистый звон – собрат архитектуры
С гармонией колонн. Святых фигуры
О вечности с тобою говорят.
И даже новоделы-небоскрёбы
Приветливо стройны. Гуляй и пробуй
Величественный град на вкус и цвет.
Здесь буря красок, серой хмари нет.
Но близко потрясающий стрит-арт.
Художники раскрашивают стены
Обычных зданий. Розовая «пена»
Для фона. Рамки колер голубой.
В ней женский лик – пленительно-живой.
Осанки гордой цвето-кантилена.
Завёрнутая в жёлтое сирена
Царит над миром сказочных цветов.
И панорам большого урбанизма.
Ей не страшны угрозы катаклизмов.
Увидел раз – влюбился. Файн. Готов!
Покоя олимпийского рулада,
Как символ нестареющей Канады.
Арам и Мануэла – на горе,
Зовущейся в народе Мон-Руаялем.

Тут не живут слезливые печали.
Гуляй и в летний зной, и в декабре.
Уют лесного царства, серпантин
Вокруг горы для всех велосипедов.
Целебный воздух до конца изведав,
Ты чувствуешь себя как господин,
Способный крепко удержать мечту.
Жар-птицу ловишь споро, на лету
И воплощаешь замыслы успешно.
Звучащий город, будто Штраус вешний,
Из музыкальных нитей сотворён.
Кто в монреальский праздник не влюблён?
Арам и Мануэла – да! – влюбились.
И первую неделю закрутились,
Взял в плен их солнцедарный Монреаль.
Спасибо, рядом друг – Ален Цигаль,
Их судобоносный менеджер-продюсер.
Житейских перемен весёлый юзер.
Он чичероне экстраклассным был.
Водил их на прогулки, в рестораны.
Заботился легко и неустанно.
Квартиру подобрать им не забыл
В архитектурно очень странном доме.
Дитя строй-уникальных анатомий,
Из кубиков он как бы состоит.
Их более трёхсот. Они на вид
На детскую поделочку похожи.
Смешное зданье, да, но, верьте, всё же
Квартиры здесь комфортно хороши.
Над каждой крышей сад. Ау, дриады!
Арам и Мануэла очень рады.
Им этот дом – как ясный свет души,
С наивною гримаскою ребёнка.
Ален Цигаль – дипломатично тонкий
Политик. Моментально распознал
Святую детскость Муны и Арама.
Составил дальновидную программу,
Что делать звёздной паре. Точно знал,
Зачем вписал их в свой витальный трек
Провинции блистательной – Квебек.

Креатив-марафон

Деньки разбежались и взлетели над обыденностью.
Да и какая обыденность может быть в Монреале?
Интересные дела Арама и Муну вынесли
На такие обороты, которых они и не ждали.

Толстый весельчак Ален Цигаль дал им студию,
Будто фокусник вынул её из волшебной шляпы.
«Здесь, друзья, учить танцу фламенко будем мы,
Позовём ребятню, а с нею мамы и папы,

И сестрички с братиками в школу вашу придут.
Знаменитые Эрнандесы – хореографии классной бренд.
Не останется у вас для прохлады свободных минут.
Рекламу запускаю я в прессу, и ваш контингент

Заполнит этот зал на улице Сент-Катрин – раз!
Во-вторых, от желающих танцевать не будет отбоя.
Футболу медийным агентам сильнейший пас!»
Не обманул холерик. Что обещал, устроил.

Пять групп набрано – от малышей до седых матрон.
Сотня «новофламенковцев» – поклонников Мануэлы.
Уроки с утра до вечера... бам-барабан, щёлк-перезвон
Кастаньет и бубна. Гитарная радость пела

Семиструнную партию. Муна сердца зажгла
Монреальских жителей праздничным фейерверком.
Улица Сент-Катрин юность свою нашла
В ритмах испанской страсти гранда любви – фламенко.

Монреальцы – народ весёлый, праздники любит – ох!
Им танцевать и петь охота по десять часов кряду.
А тут ещё Мануэла с глазами миндальными – тяжкий вздох!
Поухаживать бы за ней кавалерам, но... муж рядом.

Арам помогает ей школу вести – молодец! – каждый день.
Играет на скрипке и ещё на виоль д'амуре.
В барабан ладонями ритм бить ему тоже не лень.
Как часовой на вахте, он в Муниной школе дежурит.

А ведь у самого работы в Квебеке хватает – ого как!
Обещал Ален – и открыл ему на той же улице студию.
Продюсерский центр артиста и композитора – не пустяк.
Кто однажды побывал здесь, тот вряд ли в момент забудет

Горящие энтузиазмом глаза худого армянского парня.
Квартет – фортепьяно, скрипка, виоль д'амур, контрабас –
Собрал Арам в Монреале в темпе забой-ударном.
Репетирует с коллегами, диски записывает – просто класс.

Продаёт их Ален Цигаль быстро – даже прибыль на вырост есть.
Монреаль – музыкальный город, искусство в почёте большом.
Поклонников и поклонниц у Арама на континенте не счесть.
А он только на Муну смотрит, и каждый свободный миг с нею вдвоём.

Решил посвятить ей сонату виольдамурную – о любви.
Каждый вечер пополняются знаками линии нотного стана.
Фламенко и струнная музыка – неразлучные визави,
Верные друзья и сподвижники их экселенц-романа.

У Мануэлы идея появилась новая – канадский акцент
Придать классическому рисунку фламенко.
Элементы танца индейского ввести можно как новый бренд.
Мысль ненормальная вырвалась из её ментальных застенков

И покати́лась на конёчках фантазии далеко-далеко.
Индейцы зажгли Муну своей ритуальной символикой.
Фламенко и танец с обручем в одной связке пустить легко,
Или затея эта обернётся творческим ноликом?

Заказала обручи из пластиковых трубок и бамбука.
Десяток лёгких предметов – удобная в танце штука.
Репетировала одна, после нелёгких дневных занятий.
Образы бабочки, огня, змеи в один кулачок собрать бы

И на фламенковской почве выступить с этим номером на «бис».
Риск благороден и нужен, если ты настоящий артист.
Несколько недель потрачено. Рисунок танца готов.
Скоро концерт, и у номера имя уже есть – «Танец снов».

Зал – как перед прыжком в неведомое – он тигр на охоте.
Люди в ожидании. Звезда Эрнандес готовит вроде бы
Что-то совсем интересное, и даже (шарман!) необычное.
Остаться дома и пропустить арт-сенсацию прилично ли?

Выходит на сцену в красном платье красавица большеглазая.
Локти опущены. Застыла стрункой натянутой. И не сразу
Новый танец набирает сначала привычные всем обороты.
Чечётка, ладони плывут по воздуху. Красота влекущая... Что
ты

Ждёшь ещё, чародейка пленительно-дерзостной страсти?
Настал момент. Смена ритма. И вместо кастаньет на запястьях
По четыре обруча. Изгиб тела – агония раненой змеи.
Руки будто бы кости потеряли – смотри, смотри, смотри!

Под испанскую музыку, озираясь, выползает на сцену змея.
Кольца волнуются, остановить их уже нельзя.
Взмах гибких рук, поворот корпуса – и над змеёй орёл.
Зал в тихий раж, как в привычную клетку, без стука вошёл.

Летит быстrokрылая птица под ритмы бубна и барабанный гул –
Ветер с индейских озёр и степей, прорываясь сквозь тучи, задул.
Красно-синие ленты на кольцах – как у гордых апачей перо.
Индейская женщина змею и орла зовёт к себе в обруч: вошло

В стихию фламенко индейское кредо воды, ветрогона, огня.
Танец-призыв от народа индейского – жить! Чур меня, чур меня!
Это не явь, а ожившие в танце-фантазме испано-индейские сны.
Обручи – кольца судьбы, слуги вещей богов из далёкой страны,

Где народы не делятся на своих и заклятых – враждебно-чужих.
Ритмы страстного мира к себе призывают потомков родных.
Сумасшествие жестов и бурных эмоций каскад.
«Танец снов» неожиданно кончился, словно иссяк водопад

Жар-эмоций. Упали подбитые стрелами руки, исчезла змея
Кольца жить перестали. И всё это было не зря.
Аплодировал долго восторженно-радостный зал.
Монреаль синьориту Эрнандес навеки своею признал.

Музыка виольдамурная, не держи акварельный звук!
Арам, вдохновленный успешной программой Муниты,
Запустил на орбиту концертов своих арт-круг.
Он человек талантливый и, как подруга его, знаменитый.

Продюсер Ален Цигаль расписание сделал – пора играть.
Для многих в Канаде старинный виоль неизвестен.
Желание публики – надо скорее узнать,
Чем инструмент этот, скрипки собрат, интересен?

Свечи в старинных подсвечниках. Кресла и тишина.
Голос Италии, плачущей в скорбной сонате.
Атилио Ариости – век осьмнадцатый выпит до дна.
Двадцать сонатных клавиров пропало, в Шведской палате

Хранится один. Его и достал для себя Арам,
Чтоб породнить с драгоценным виоль д'амуром.
Пьяно на цыпочках. Жалобе звуков – крещендо и сразу: маммм...
Слёзы растворились в нежно-минорной фактуре.

Лицо музыканта – как факел, пылающий в детских руках.
Горит вдохновением, глаз синева густеет.
Сонатная жалоба села в церковном подворье, младенческий страх
Лежит в кантиленной люльке, и кто его тронуть посмеет?

Голос людей беззащитных, он тих, а надежда живёт
В тонких нюансах владетельной силы мажора.
Солнце над утренней свежестью, страх прогоняя, встаёт.
Музыка рвётся из пут горьких чувств на другие просторы.

Вслед за сонатою Стамица Карла чудесный концерт.
Он для виолы с оркестром рождён в том же трепетном веке.
Нет у Арама оркестра, но рядом привычный квартет –
Самый надёжный партнёр музыкальной опеки.

Музыка счастья детей, ре мажор на цветочном лугу.
Прыгают бодро на травке кудрявенькие ангелочки.
Девочка в платье и шляпке соломенной – ох, не могу!
Эльфо-сильфидная, с голосом тоненьким, резвая дочка.

А для финала Арам подарил меломанам приятный сюрприз.
Соло момент – кантилена виольная с именем «Нежность».
Это свиданье назначил подруге любимой красавец-артист
Здесь, на концерте, где искренних чувств постоянная све-
жесть

В струны вошла и достигла своей неземной высоты.
Зал покорён. Даже кресла из дерева, тихо качаясь, всплакнули.
Трудно дышать Мануэле. Араму родному – от сердца цветы.
Звёздных посланцев служители медленно жёлтые свечи задули.

Житейские параллели

Город тянется к небу, и это его состоянье –
Звездокрылое счастье поддерживать в душах людских.
У Арама и Муны – друзей многозвучных собрание
Расширяется, крепнет, и трудно представить без них

На минуту хотя бы судьбу монреальских гармоний.
Радость бурных общений взрывается, как стадион.
Собираются вместе друзья у Ризендеса Тони.
Ресторатор великий, он в звёздную пару влюблён.

Кормит Муну с Арамом обедами только бесплатно.
В ресторане на скрипке играет бесплатно Арам.
Бартер музыки и кулинарных изысков – понятно,
Если праздник бытийный приходит доверчиво к нам.

В этом празднике нет пустоты и безмозглой корысти –
Озарённый пожаром искусства живой ареал.
На богатства салонов престижных – и Сотби, и Кристи –
Музыкальные версии кто бы из них променял?

Здесь воркуют студенты и томного вида матроны,
В мини-юбочках девочки и куртуаз-господа,
И цивильный месье – на поверку удачник из скромных
Ланчи Тони Ризендеса кушать приходит всегда.

Подошёл к Авакяну: «Маэстро, спасибо вам, сорри.
Разрешите представиться: слушатель ваш, Жиль Бернье».
Обменялись приветствием и... дружба выросла вскоре,
Церемоний верёвку оставив на каменном дне.

Полицейский инспектор Бернье – обаянья провайдер.
Сероглазо-улыбчивый, краснорубашечный мэн.
Рядом с ним и король, и артист, и любой аутсайдер
Понимает мгновенно: пред ним комильфо-джентльмен.

С Авакяном о музыке долго они говорили.
Мануэлы реакция: «Жиль, а продолжим у нас?»
На квартире Эрнандесов кьянти бутылку распили
И расстались, когда заалел новоутренний час.

А потом Авакян рассказал Мануэлову сагу
О мытарствах Муниты, украденном детстве её.
Жиль Бернье подтвердил: «Дорогие, даю вам присягу.
В Интерпол обращаюсь. Дело это, поверьте моё».

✱ ✱ ✱

Взбаламучена электронная тишь
Запросами неугомонного Жилия.
Гоняет Бернье оголтелую «мышь»
По целине гигабайтных милей.

Катастрофы далёкой ищет следы –
Кто, где, когда похищал ребёнка.
Сколько утечёт в реках бурной воды,
Пока не появится младенец в пелёнках –

Фактик мизерный... затем цепочка других.
Картина преступления, как на экране.
Инспектор узнает, кем был этот псих,
Что душу детскую злобой ранил.

Анналы компьютерной памяти – дайте срок –
Спецы Интерпола исследуют на просвет.
Остаток сухой информации, как оброк
С работяги бессонного – имя ему Интернет.

Результат не замедлил сказаться. Бернье узнал
О таджикской девочке из города Душанбе.
Клан сирийских бандитов её ясным днём украл.
Папа умер. А мама в России. Живёт в Орле.

Братья мужа ей помогают – бесценный клад.
Поселили в России. Очнулась. Чуть ожила.
Только плачет: «Где же ты, дочь моя Анзурат?
Средь живых или в чёрных подвалах давно умерла?»

Всё пыталась искать дочурку – ответа нет.
Пересохла душа, и засыпан песком арык.
Исхудала, состарилась, будто не сорок лет,
А все восемь десятков. Седины, как лунный блик.

Кто узнает в ней Таню Краснову – блондинку-ах?
Пересмешницу милую, зелень весны – глаза.
Так привычен для Тани устойчивый спутник – страх.
Жизнь в цепи закована, дыбятся тормоза.

Банда редких мерзавцев похитила сто детей
На запчасти для чёрных хирургов, тугой кошмар.
Их главарь был известен, как Абдель Сина-Башар.
Его нету давно, в перестрелке погиб злодей.

Две скотины безродные – Мунины басмачи,
Имена позабыты, их проклял давно Аллах.
Ты поплачь, дорогая Танюша, иль покричи.
Но амбарный замок на вишнёвых её устах.

Годы тяжких потерь, как израненный уж, ползут.
Без надежды на лучшее время. Бетонный мрак.
Для Татьяны прочерчен один путевой маршрут:
Слёзы, слёзы и слёзы... тоски постоянной знак.

* * *

Бернье с Авакяном держали совет как друзья.
Сейчас информацию выложить или потом?
Решили: пока ничего говорить ей нельзя,
Муните. Узнаем подробности и подождём.

И здесь, как всегда, пригодился Ален Цигаль,
Великий продюсер и преданный экстраверт:
«Поедем в Москву на фламенковский фестиваль
И в город Орёл на гастрольный гала-концерт».

Школа Мануэлы процветает.
Выступлений много, есть успех.
Звёздные подарки собирая,
Муне и зазнаться бы не грех.
Лик её природный чист и светел.
В нём любовь свой дом родной нашла.
Добрая улыбка – свежий ветер.
А глаза – как будто зеркала
Радостной души, в ней только счастье
И нетленный творческий порыв.
Простота, сердечное согласие
И, как прежде, девичий наив.
Но судьба творит своё плетенье.
Тянется невидимая нить.
Как-то раз в одно из воскресений
Надо было студию закрыть.
Стоп! Тугая дверь чуть отворилась.
На пороге – чудо лет восьми,
Худенькая девочка явилась.
Ангелок, спаси и сохрани.
– Ой, мадам, пожалуйста, простите,
Что так поздно в школу к вам пришла.
Ради всех святых, меня примите.
Так люблю фламенко! Я была
На концертах ваших много-много,
Знать не знаю даже сколько раз.
И на мессе попросила Бога,
Чтоб Всевышний познакомил нас.
Побывать у вас давно решила.
Вдруг умолкла. Бантики дрожат.
Муну же тревога затопила.
К ней отара стриженных ягнят
Прибежала тихо на аллею,

Где растут открытые сердца.
– Как тебя зовут, скажи скорее.
– Я Саманта. – Мамы и отца,
Разрешенье, извини, спросила?
Тень накрыла детское лицо.
– Маму с папой молния убила.
Они в бурю вышли на крыльцо –
И конец... Теперь живу в приюте
У сестры Терезы. Верьте мне.
Матушка Тереза, рядом будьте,
Что-нибудь скажите обо мне.
Подтвердила всё сестра Тереза
О Саманте Гир с её бедой.
Мануэлы сердце нож подрезал,
Обварив кипящею водой.
– Пусть, сестра, ко мне ребёнок ходит,
Научу фламенко, так и быть.
Время есть, дела в порядке вроде.
Можно мне Саманту проводить?
– О, конечно, можно, сеньорита.
До приюта в бодром темпе шли.
Вечер, ключевой водой умытый,
Сел на край морщинистой земли.

✱ ✱ ✱

Саманте понравилось в школу к Муните ходить.
Ей танец фламенко на раз покорить удаётся.
А Муны желание крепнет – с девчужкой дружить.
Добра и отзывчива, звонкою трелью смеётся.

В момент привязался к Саманте и дядя Арам.
Надумал учить её музыке. Верно – скрипичной.
Решил: четвертной инструмент я куплю и отдам.
Способная девочка, ритм и слух – всё отлично.

Волшебная фея Саманте устроила пир,
Махнув на лету, в поцелуях росы, чудо-веткой.
Подруга у ней Мануэла – Арам, он кумир
Для детского сердца, надёжно закрытого в клетке

Трагедии страшной. Приди, разорвись, поменяй
Минор настроений тяжёлых – на лучшую долю
И девочки милой – что можно – немедля отдай,
Душа её просится с песнею выйти на волю.

* * *

Занятия в классе фламенко, скрипичный дозор.
Приютской малышке дорога в искусство открыта.
Однажды случайно услышала блиц-разговор
Арама и Муны. И тема его не забыта.

– Скажи-ка, любимый, а может, Саманту нам взять
В опеку, как сделала это Бенита со мною?
Арам призадумался: «Надо ей всё рассказать.
Пойдём же к Ризендесу Тони и завтрак устроим».

Сердечко у девочки в пятки сбежало тайком.
Молчала три дня, будто бы ничего не случилось.
Часы ошалели, как зайцы в траве: кувырком
Попрыгали вдоволь. Устав, резко остановились.

Поворотный момент в юной жизни Саманты.
Ресторан у Ризендеса Тони открыт.
На полу, в уголке, бьют двенадцать куранты.
Завтрак – фрукты и овощи. Рядом сидит,

Как в гостях у Эрнандесов, донна Тереза.
С ней Саманта – косички торчат по бокам.
У Арама в лице – миллион интересов,
Внешне тих и спокоен, душой – Клод ван Дамм.

Ведь решение это досталось непросто.
Шаг ответственный, груз очень сложно поднять.
Разрослась обывательских мнений короста,
Что приютских детей в дом вводить, принимать –

Риск большой... Но Арам и Мунита дерзают
Биографию жизни – одну на троих.
И сомненья, как льдинки на солнышке, тают.
Твёрдый фактор надёжных решений – при них.

– Дорогая Саманта... скажи... не стесняйся...
Хочешь жить у нас дома как дочка в семье?
Только прямо ответь, милый друг... постарайся.
Тишина за столом. Ходит рябь на реке,

Протекающей близ ресторанного зала.
Растерялась девчонка, и нечем дышать.
В эти мини-секунды она вспоминала
Симпатичного папу, красавицу-мать.

Она Муну с Арамом уже полюбила.
Привязалась. Ведь трудно представить без них
Жизнь дальнейшую. Как им ответить? Нет силы
В кучку фразы собрать для людей золотых.

Чуть головкою русой кивнула: «... Согласна...»
И в объятия к Муне вспорхнула... птенец.
Корабли на реке загудели вдруг басом.
Мать Тереза шепнула себе: «Наконец...»

И крестом всех сидящих она осенила:
«Бог вам в помощь, мои дорогие друзья.
Документы опеки давно я пробила
В департаменты бегала долго – не зря.

Вам готовы помочь полномочные лица,
Остальное доделайте сами, о кей?
А за вас я всегда стану Богу молиться,
За таких вот, как вы, бескорыстных людей».

В зал торжественным шагом восшествовал Тони,
Кулинарных проектов ура-чемпион.
На подносе был торт – император на троне:
Скрипку хоботом держит оранжевый слон.

У Саманты в глазах – котильон изумлений:
«Ах, спасибо, какой замечательный торт!»
Настроение радости, как в день рожденья.
Стало меньше на свете несчастных сирот.

Детская комната в квартире Муны – файн.
Мануэла сама обстановку сюда подбирала.
Денег не жалела на проект-дизайн.
Всё, что ни делала, казалось, мало.

Хотелось как можно больше, ещё и ещё,
Только чтоб Самми была довольна.
Обои весёлые – Микки Маус – ёёёё!
Дружок симпатичный, характер вольный.

Глазки Саманты горят – хочешь, спичку жги.
Детство счастливое – рядом с любимыми, да.
А таких, как Муна с Арамом, найди
В месте ином. Нет! Ни за что, никогда.

Ночи и дни – старт! – ракеты в пространстве... гудят.
Только за ними двигаться успевай.
Музыка, танец и школа, нельзя повернуть назад.
Трудно Саманте, конечно, и всё же рай

Дел замечательных встроено в привычный круг.
Юная леди с наполненным пульсом живёт.
Муна – как мама, Арам – он отец и друг.
Счастье семейное – самый надёжный плот.

Кстати, Арам с Мануэлой в мэрии были. Зачем?
Брак свой оформить, опека без брака – ноль.
Тайна для прессы. А нужно ли людям всем
Знать, как скрепляют союз двух свободных воль?

Близкие их поздравляли – одни друзья.
Жиль и Тереза, Ризендес, Ален Цигаль.
Вдруг в дверь звонят: «Ну, кого принесла печаль?»
«Дети, родные мои, это только я.

К вам прилетела. Откройте замок скорей».
Ахнули. Надо ж! Бенита явилась, отпад-сюрприз.
Хочет Саманту видеть – сейчас, быстрей.
Их познакомили. Гвадалквивира бриз

Воздух Квебека испанской волной накрыл.
Сердце Бениты ликует, как в небесах.
Нет, не растрочен севильской царицы пыл.
Вмиг полюбила Саманту, и на руках

Долго держала на дружеском суаре.
Радость общенья живого – роскошный сад.
Даже лицо на афише – сам Жан Маре
Им подмигнул, как приятель: «Бонжур, я рад».

Каденция*

Взаимопроникновение душ и сердец друг в друга
Высвечивает на тёмном фоне светлые краски человечности.
Узнав об этом, фарисей из подвала громко икнул от испуга.
Жуиры панельные с ручками-ножками утонули в беспечно-
сти.

Лишь зорко-мудрые стойки знают: ментальное пробуждение,
В сердечную чакру пришедшее, способствует выздоровлению
Дряхлеющего организма Земли.

**Каденция (в музыке) – импровизационная вставка.*

Дуэнде возвращается

Устаканился будничный транш
В семье Авакянов-Эрнандесов.
Силы небесные дали карт-бланш
Обойти шипы грубых тангенсов
И вынесли эту семью на орбиту,
Где вход в неожиданности открыт им.
А подробности бытовых реалий
Оставим прозаикам для баталий
Насчёт правды и вымысла сюжета,
И пусть они говорят об этом
С гордостью самоигральной,
А наш проект инфернальный
Живёт сам по себе.

Чёрной племянницы рыжего солнца имя – затмение.
Огненный шар набирается ангельского терпения,
Когда бальное платье вселенской тьмы его накрывает.
Человечество с ума сходит, к Богу взывает.
Хватается за бинокли, бежит стремглав к телескопам,
Поодиночке, парами, а некоторые – скопом.
Настраивают видео, кино, фото и прочие аппараты.
Учёные объединяются в говорильные конгломераты,
И возникает конвульсивно-магическая суэта.
Арам и Мануэла в этом вопросе – простота.
Купили Саманте крупнейший телескоп.
Компы, ноуты, смарты, айфоны – подарков у ней немало.
Балуют ребёнка, и никто не скажет им: гоп!
Девочка от бесконечных дарений чуть подустала.
Но Саманте Гир-Эрнандес, простите, смешно
И радостно, как относятся к ней новые папа и мама.
Осуждать их, конечно, за это грешно –
Издержки настроя любвеобильной программы.
В час солнечного затмения телескоп новый они взяли
И на самой высокой макушке любимого Мон Руаяля
Установили на прочной треноге – смотреть катаклизму
С помощью оптического чуда – стекольной призмы.
Арам и Саманта по очереди глядели в небесную трубу,
Шептались между собой: бу-бу-бу-бу, бу-бу-бу-бу.
Мануэле стало жарко. Почва слегла вздрогнула и прогнулась.
Знакомое состояние – дуэнде – Муниту вспомнило и вернулось.

✱ ✱ ✱

«Что тебе надо услышать скажи мне, Лилит,
Горькая странница всех неприкаянных бурь?
Стёртая память занозою давней болит.
Знак мне подай, гордонравные брови не хмурь.
Морок душевный хочу я в клочки разорвать.
Он – затаившийся враг, нем, печален и глух.
Кто я? Откуда? Давно собираюсь узнать.
Факел надежды, ещё не зажжённый, потух.
Вижу какую-то землю, чужие поля.
Город чужой, люди в серых одеждах спуют.
Тянет меня в путь далёкий, не ведаю я,
Ждут меня там или нет... Может, всё-таки ждут?»
Дочь загугающих солнц не ответила ей.
Чувство растёт: ехать надо, но только куда?
Медлить нельзя. В путь-дорогу собраться быстреей.
Нужен маршрут, без него не найти никогда
Точки заветной, способной завесу открыть
Над прошлолетьем, которому имени нет.
Тьма растворилась, и жизнь продолжается. Быть
Силе дуэндовой. Финиш затмению. Свет.

★ ★ ★

Утром позвонил Ален Цигаль,
Провайдер успеха и оптимизма.
«Едем в Москву на фестиваль
Фламенковых танцев, готовы визы.
Берите Саманту, виоль д'амур.
Настраивайтесь на победу, и только так.
Затем по стране гастрольный тур,
А это, как знаете, не пустяк».
Арама лицо просветлело: сюрприз!
Хотя он давно о поездке знал.
Мунино сердце упало вниз:
«Небесный посланник мне помогал
Предчувствие дальней дороги прочесть.
Значит, Россия? Стремимся туда?
Очень хорошая, нужная весть.
Здравствуйте, новые города.
Скоро познакомимся».

Мануэла в Москве

«Благослови нас, бабушка Москва.
Ты носишь супермодные одежды
Из небоскрёбов, улиц и проспектов,
Наполненных безумной суетою.
Почти как в Монреале, право слово.
А люди все какие-то глухие.
Бессмысленно гудящий муравейник.
И пробки сумасшедшие на трассах.
И лица серой маскою закрыты,
Одной на всех.
Язык Москвы мне близок.
Откуда-то я знаю его, русский,
Почти родной.
С испанским и английским в родстве,
Он вроде дядюшки в семействе.
Дуэнде, ты, возможно, пошутило,
Отправив меня в этот мегаполис,
Похожий на дрожащий Вавилон?
Но брат дуэнде с шутками не дружит.
Предчувствую: возникнут перемены,
Какие – я пока ещё не знаю.
И, значит, здравствуй, праздник-фестиваль.
Мы будем здесь показывать фламенко.
И это счастье. Кто его оспорит?
Настрой один – работать и работать.
Мы всё-таки Эрнандесы, мы звёзды.
А потому должны – нельзя иначе –
На конкурсе призы себе забрать.
Дай Бог терпенья и чуть-чуть удачи
Сердца великим танцем зажигать».

Берсеневская набережная, Театр эстрады.
Торжественно-величественный дворец.
Люди ходить сюда очень рады.
Дождались фламенко-любители, наконец,
Международного конкурса-фестиваля,
Куда попали не без помощи месье Цигалья
Мануэла с Арамом и Самантой.
Время отбивают кремлёвские куранты.
Съехались в Москву танцоры со всего света.
От пятнадцати до пятидесяти лет.
Дилетантов среди них не было и нету.
Слышится вокруг: «Муна, Муна, привет!
Очень рады с тобой повидаться,
Наша первая мегазвезда».
Мануэла не знает, куда деваться
От радости: «Салют, камарадос, я с вами, да-да!»
Зал театра переполнен народом,
Попробуй найти местечко свободное? Вряд ли.
Танец фламенко – огонь, любовь и свобода.
Остальное всё – посторонне-чуждые грабли.
Вот и конкурсной программе назначен старт.
Каждый танцор – VIP-мастер, неповторим.
Но лучше всех Мануэла, её азарт
И жюри, и зрителями тепло принят, любим.
Красавица звездоглазая, с гибкостью зрелой пумы
Ворожит, чарует под звуки виоль-д'амура и тамбурина.
Зрители кричат «браво!» в угаре безумном.
Вдруг тишина повисает. Другая картина
Развёртывается на фестивальной сцене.

Выбегает малютка-девочка в платье зелёном
И с яркой шалью. Народ доволен, радуется перемене,
Смотрит на юную красавицу взглядом влюблённым.
Жжёт не по-детски Саманта, в каждом движении – смерчи.
Неистовый темп, каблучки стреляют удар-картечью.
Дочь Мануэлы Эрнандес молниями управляла,
Как будто бы в поле открытом стихия её целовала.
Успех потрясающий. Гром звон-победных оваций.
Поклоны скромные, словечко единое: «грация»
Для всех, кто её принимал в замечательном зале.
Жюри председатель, синьора Сусанна Биали,
Артистка великая, вышла при всех на эстраду
С цветами: «Друзья мои, вы молодцы, я за вас очень рада!»
Арам с Мануэлой улыбкою прячут невольные слёзы.
Сбываются самые тайные, в сердце живущие грёзы.

* * *

Эрнандесов трио отмечено главной наградой – Гран-при.
Звонил с поздравленьями друг их родной, Жиль Бернье.
Бенита с Футьхенсио тоже звонили в Москву: «Не томи,
Когда вы в Севилью приедете? Горестно мне
Запасы терпения кончились, кризис пришёл.
Не вижу вас долгие месяцы, жду и люблю».
Цигаль трубку взял: «Видит Бог, от души говорю.
Вы скоро увидите. Мы сейчас едем в Орёл».

Мануэла в Орле

Грязные тротуары, дороги в ухабах.
России провинция похожа на краба,
Лежащего брюхом к солнцу, в землю спиной.
Щербатый асфальт, всё уныло, ну просто – ой!
Душа Мануэлы скукожилась, очи в пол.
А на площади при вокзале – родной орёл,
Свободная в бодром полёте птица,
Присела и смотрит на всех. Пригодится
На память в обнимку с орлом сэй-чиз-фото.
Город смотреть пришла охота.
В принципе симпатичный – дома и парки.
Фигуры зелёные, как подарки
От новомодного парня – дизайна.
Берег Оки в запустении крайнем.
Валяются сиротками пакеты, бутылки,
Зубья сломали у согнутой вилки.
Тут бал даёт монсеньор Беспорядок.
Главный хозяин заброшенных грядок.
А люди приветливы, в добром убранстве.
Пришли в театр «Свободное пространство».
Аплодировали стоя всей группе Муны.
Арам Авакян подарил им струнный
Дивертисмент на виоль д'амуре.
Красивый звук – восторгов буря.
Вечер гастрольный прошёл на ура.
Ален Цигаль молвил: «В отель нам пора.
Утром все вместе идём на рынок.
Надо купить мне пару ботинок.
Износилась обувь на российской почве».
И подмигнул Араму: «Спокойной ночи!»
Этот план Муне чужд, непонятен.
Отказать нельзя. Ален – приятель,
И не просто приятель, а лучший друг.
Вхож в самый узкий семейный круг.
«Ладно, жди в девять, мы будем у входа.
Этой цигальской причуде – свобода».

... Перепрыгивала через дождевые лужи,
 На кирпичики (как мосточки) ступала
 Мануэла с Арамом и дочкой. А ей это нужно?
 В джунгли рынка вошла, но зачем – не знала.
 Такой неприветливый рынок, анти-Севиля.
 Киоски зелёные, продавщиц суровые лица.
 Рядов бесконечных унылая камарилья.
 Товары-пленники лежат, им удавиться
 От безысходности? Тарелки, блюда,
 Чашки-уродцы, бижу, собачки
 Фарфоровые. Взять бы тачку,
 Погрузить эти вещи, развернуться
 И выкинуть их на большую помойку.
 Ален Цигаль здесь: «Мунита, постой-ка,
 Смотри, продают урюк, изюм, курагу,
 Пойдём туда купим? Стоять не могу...»
 Мануэла в ответ: «Саманта, Арам!
 Дяде Алену сухофрукты купим. Аз воздам
 Чудаку любимому...». Хи-хи и хо-хо!
 Вот уж и киоски недалеко.
 Торгуют в них дядьки-таджики.
 Наперебой предлагают аджику
 И прочие восточные товары.
 Мануэла видит одну пару.
 Седая женщина и таджик высокий:
 «Отдохни, Танюша, присядь, твои ноги
 Не казённые». Вдруг... толчок внутри Мануэлы.
 Потянулась к женщине, захотела
 Что-то сказать незнакомой Танюше.
 Седой, гладкопричёсанной. Вихор непослушный
 Торчит на ухом с дешёвой серёжкой.
 «Куплю у неё курагу... хоть немножко».
 К женщине тихонечко подошла.
 Сумочку вынула... ла-ла-ла.
 Валяются на дне кругляшки-монеты.
 Помада, ключики, кастаньеты.
 Камешек выпал прямо в руки Татьяны.

Подумала женщина: «Очень странно.
Такие у дочери были, на озере их собирала.
Камешек... родненький... я тебя сразу узнала».
К покупательнице прирос внимательный взгляд.
У Татьяны мощной силы разряд
Электрический вспыхнул над головой.
Речи лишилась. И в мыслях внезапный сбой.
Глядит на Мануэлу, платочек в руке теребя:
«Простите, могу вам задать вопрос?
Много лет назад потеряла родную дочь.
Жизнь остановилась, дышать невмочь.
Родинка у ребёнка была под левой лопаткой.
Маленькая, круглая, красновато-гладкая.
А у вас есть такая? Бога ради, простите...»
«Да, есть... А в чём дело? Момент! Подождите...»
Брат дуэнде усилил толчки в сердце Мануэлы.
Секунду, другую, третью на Татьяну смотрела.
Тектонический пласт-мемориум лопнул, взорвался.
«Мама... вспомнила!... Где отец? Куда город девался?
Мой родной Душанбе, город в Таджикистане?
Мама... мама... две акулы-пираньи
С озёрного берега меня ясным днём украли!»
В объятья бросились друг к другу. Алена Цигаля
Вечный сотовый друг проснулся – айфон
Зазвенел. «Жиль... алло! Проект завершён».
Радостно смотрит на женщин Арам.
Саманта ничего понять не может.
«Мама... Это муж мой мне Богом дан.
А это внучка твоя Саманта». Погожий
Над рынком центральным установился день.
Татьяна молчит... полуобморок, ступор.
Разлуки долгой крутая ступень
Требует тишины. Ей не нужен рупор,
Чтобы два сердца в едином порыве сошлись.
Будут ещё многочисленные разговоры.
Судьбо-пружинный виток устремляется ввысь.
Мало ему благ землянских, нужны просторы
Космических озарений.

★ ★ ★

Центральный рынок – шурин роковой
Снял шляпу: «Будь здорова, Мануэла!»
Она здесь оставаться не хотела:
«Пойдём скорее, мамочка, со мной
В гостиницу. Поедешь на гастроли
Ты в группе нашей. Всё Алэн устроит.
А выступим – и надо бы домой
В чудесный город-сказку Монреаль».
Татьяне – радость. Ей совсем не жаль
С базарной жизнью навсегда расстаться.
Пришла пора с таджиками прощаться.
Родные мужа Таню отпустили,
Ей много слов хороших говорили.
Она Саманту за руку взяла,
Арама, как сыночка, обняла:
«Я перемен счастливых не боюсь».
Отправились в отель орловский – «Русь».
Накрыли стол в гостиничном приюте.
И детство по кусочку, по минуте
Вернулось в память Мунину. Отец
Предстал пред ней, усатый молодец,
Таджикский джентльмен, класс-человек.
Строитель гидростанции «Нурек».
Любил он Муну, баловал слегка,
Тверда его надёжная рука.
Не выдержал разлуки долгой срок.
Сломалось сердце. Путь к отцу далёк.
«Любимый папа, был бы ты со мной!»
В анналах детской памяти – живой
Красавец Нуралиев пахлавон*,
Чудесный друг, семьи опора он.

И мама – педагог в начальной школе.
Воспоминанья вырвались на волю
О жизни той, её не возвратить.
Одно осталось: помнить и любить.
«О Боже, у меня теперь две мамы!» –
Тревожно посмотрела на Арама.
Арам ответил: «Всё поймёт Бенита.
Её душа любви всегда открыта».
Да, надо будет рассказать Бените
С Фульхенсио про новые события.
Проблему эту поняла Татьяна.
Она не ревновала, как ни странно.
«Спасибо доброй женщине большое.
Спасла тебя. Люблю её, не скрою.
Она мне дочь родную подарила.
Ты Анзурат* моя... я позабыла
Об имени твоём... Ты Мануэла.
Будь с ним всегда». На небесах горела
Улыбчивая звёздочка согласья,
Предвестница заслуженного счастья.
Ещё раз Жиль с Аленом созвонились
О визе хлопотать договорились.
Для Тани. Единенья добрый час
Продолжится в гостинице без нас.

**Пахлавон (таджик.) – богатырь.*

**Анзурат (таджик.) – необыкновенная.*

✱ ✱ ✱

Тонуть в деталях бытовизма,
Забыв о романтической подоплёке?
У неё своя стезя, своя харизма.
Великий смысл. Наступали сроки
Прощания с российской поездкой.
Другая роспись на житейских фресках.
Оформлены Красновой Тане визы.
Полёт в Канаду, он прошёл без криза
Эмоций, неприятных ощущений.
Притихли турбулентные течения
Воздушных масс. Кленовый лист Канады
Татьяне – как великая награда
Изменчивой судьбы.

* * *

Монреальская панорама
Конечно же, так в жизни не бывает.
Смурное зло живёт и побеждает.
Но в жанровом кольце романтик-саги
Добро и счастье обнажают шпаги,
Чтобы за ясный свет с врагами биться,
И побеждать, и преданно трудиться
Во имя благородно-нужных целей.
В семье Муниты ладить все умели.
Добро и пониманье здесь в фаворе.
Татьяна в Монреале стала вскоре
Любимицей среди друзей Муниты.
Лучистый взгляд, и честный, и открытый,
Притягивал к себе канадских леди
И джентльменов, вздумал кто посметь бы
Сказать ей неприветливое слово.
Ответ Арама, по-мужски суровый,
Последовал бы отповедью чёткой.
Он рыцарь – крайне редкая находка
Для всех домов семейных Монреалья.

... Саманта и Арам идут к роялю,
Играют мило в слаженном ансамбле.
Прогулки, шутки иль дружочек Рамблер
Зовёт их на просторы Интернета.
Арам Саманте друг, и, зная это,
Она ему секреты доверяет,
Которые никто не разболтает.
Теперь и баба Таня ей родная.
Они с ней книжки умные читают
На русском и таджикском, по-английски.
Живут в квартире две беланки-киски,
Любимицы семьи. А к Мануэле
Ангажементы новые летели,
Как птички райских кущ, святое дело.
В Америку турне давно созрело.
Поехала. Ребёнок с мамой Таней
Остался без излишних пререканий.
А возвратится, ей встречать Бениту
С Фультенсио, им дверь всегда открыта.
Пожалуй, Мануэле чуть тревожно:
Поладят ли с Татьяной? Осторожный
Вопрос живёт в сознание нашей Муны,
Как знак ферматы партитуры струнной.

★ ★ ★

Фарфоровая посуда от лёгкого прикосновения бьётся.
Идиллические эпохи такие же, в основе ломкие.
Монреаль потрясли события – злодеям неймётся
Пакости делать социал-резонансно громкие.
Пока Мануэла была в гастрольной поездке,
Террористы отвратные невинным людям в отместку
Захватили подземный город – режим ЧС*.
Жиль Бернье, полицейский, уже с головою влез
В эту трагическую историю – спасти пострадавший народ.
Переговорный процесс. Монреаль надеждой живёт
На благополучное, без жертв, завершение.
Глава террористов принял собачье решение –
Взять в заложники полицейского высокого ранга.
Иначе начнёт отстрел. Здесь не надо быть Вангой,
Чтобы понять – на что решился инспектор Бернье.
«Я пойду к этим парням, коллеги, доверьтесь мне.
Опыт есть у меня и немалый. Я не боюсь
Бог поможет, я с этими гадами договорюсь
До приемлемого, насколько возможно, компромисса.
Вы начеку, джентльмены, будьте, и если бандитские крысы
Слушать меня по-человечески не готовы,
Примите крайние меры. Говорю вам снова:
Обо мне не думайте, не жалейте. Решайте.
А теперь до свиданья вам... Может, и так: прощайте!»

**ЧС – режим чрезвычайной ситуации.*

Бритоголовый парень, глаза пустые, лоб низкий,
 Пахан террористов, плохо владеет английским.
 Что ему надо? Денег. Ещё – самолёт.
 Иначе он центр подземный в секунду взорвёт.
 Руки трясутся. Оружие в полном заряде.
 Гитлер на маечке с надписью: «Мой дядя Адя».
 Псих ненормальный, но... город стоит на ушах.
 Люди в заложниках. Вечер. Главенствует страх.
 Жиль Бернье с ним как с дитём несмышлёным судачит,
 Деньги ему обещает, охрану... А как же иначе?
 Минимум слов, чтоб не сделать преступной ошибки.
 Вдруг... что за шутка? Откуда-то сверху звук скрипки.
 Григ. Песня Сольвейг. Знаком Жилю репертуар.
 Стиль узнаваем. Не может быть! Что за кошмар?
 В зоне запретной играет на скрипке Арам,
 Будто бы здесь концерт-холл в городе Амстердам.
 Центр экстрима. Арам здесь – прохожий случайный.
 Жилия увидел. Решился на шаг чрезвычайный.
 К ленте кордонной «идальго» упрямый прорвался.
 Рядом с полицией – пара секунд! – оказался.
 Там, говорит, у бандитов мой друг Жиль Бернье.
 Надо к нему поскорее попасть... Можно мне?
 В зону опасную лицам сторонним доступности нет.
 Ладно! Тогда вынимает Арам струнный свой инструмент.
 И начинает играть. Сумасшедший заход
 Делает рыцарь, маэстро Арам Дон Кихот.
 В шоке полиция. Дальше – фантастики вздрог.
 Шеф террористов к скрипичным пассажирам приник.
 Слушает. Плачет. И, видимо, силой ослаб.
 Жиль наловчился – его за оружие цап!
 И отобрал. Говорит: «Подключай телефон.
 Всем своим братцам скажи, чтобы к выходу – вон!
 Клади на землю оружие, или сейчас
 Пусят сюда усыпляющий намертво газ!»
 Плачет бандит: «Где ты, мама родная моя?»

Песенку Сольвейг ты пела всегда для меня.
Слышу твой голос, прости меня, мама, прости.
Я уже рядом, сейчас же приду, я в пути».
Выхватил нож из кармана. Огромный стилет
В брюхо себе засадил. Был бандит, сейчас нет.
В зале подземном спецназ повязал молодцов.
Только троих. Не нашли ни начал, ни концов
Бомбы тротиловой. Кто они, эти друзья?
Как оказалось, норвежцы. А их якоря
В психдиспансере, откуда сбежали вчера.
Главный у них – Торвальд Гамсун. На скрипке игра
Вводит его в ненормальность, готов он бежать,
Чтобы покойную маму-скрипачку искать.
Три автомата украли в театре больницы,
Три бутафорские чушки – и надо случиться,
Рядом с больницей подземный стоит городок.
Акция психам пошла, как мы видим, не впрок.
Торвальда гибель – её не закрыть, не списать.
А остальных в психбольницу вернули. Как знать,
Нужен ли был здесь театр для медперсонала?
Хлипкий замок навесной на дверях «арт-подвала».
Знак Мельпомены в дурдоме – дань эксперименту.
Глупость отдельных господ, как чума, вирулентна.
Местом своим поплатился разиня-главврач.
Случай вмешался: Арам, девиантный скрипач,
Дикий поступок свершил. Оказалось, всё верно.
Мог быть финал и другим: многожертвенно-скверным.
Кончилась вскоре подземного царства осада.
Скажете, так не бывает и, значит, не надо
Эту главу оставлять в романтической саге?
Жизнь суровой фантазии в рамках бумаги.
Только забыли ревнителю прозы реала:
Мощность искусства и музыки – это немало.
С ней и могучий глагол, и великая сила...
Вышла на волю сама – никого не спросила.

★ ★ ★

Арам и Жиль – герои всех газет,
Телепрограмм, новинок Интернета.
От репортёров – у-ух! – отбоя нет.
Сенсационный бум по белу свету
Растёт, как океанский ураган.
Их семьям – радость пополам с тревогой.
Мунита собралась уже в дорогу,
Дуэнде голос – верный капитан –
Шепнул: «Тебя в семье любимой ждут».
Сенсационный фейерверк-салют
Не по нутру. Да, женщина боится,
Что может приключение случиться
Арамо-донкихотского пошиба.
Волнений настроенческая глыба
Гастроли в Штатах чуть подсократила.
Быть срочно дома – так она решила.

✱ ✱ ✱

Просто чудеса – ура-сюрприз.
Мануэла здесь, и с ней... Бенита.
Не квартира – мини-парадиз.
Мамы рядом, в лоджии открытой
Мило, по-домашнему сидят,
Будто бы всю жизнь вместе были.
С радостью бы долго говорили.
Языка барьер... Они молчат.
Но красноречив безмолвный взгляд
Женщин, у которых дочь одна
На двоих. Здесь пауза нужна,
Чтобы чувствам новый дать заряд
Без часов и спринтерских минут.
Господи, Фульхенсио, он тут!
Прилетел! Ещё сюрприз для Муны.
Ветерок-шалун легонько дунул
С озера. А в детской есть батут.
Прыгает на нём Саманта лихо.
Дух Севильи в дом пробрался тихо.
Тоже подружился с Монреалем.
Ужин подан. Ждут кого? Цигаля?
И ещё придёт к ним Жиль Бернье.
Повидаться с Таней и с друзьями.
Очень невесёлыми делами
Он загружен. Месяцу в окне
Заглянуть бы в комнату хотелось.
Жиль пришёл. Беседа разгорелась
О событиях в подземельном граде.

«Авакяну – орден, он к награде
Полицейским ведомством представлен».
Разговор на время был отставлен.
В дом вошёл Арам, и с ним Цигаль.
Был концерт в Нотр-Дам-де Монреаль,
Самом лучшем городском соборе.
Как всегда, успех. Явился вскоре
Человек, давно не посторонний,
Кулинар и друг – Ризендес Тони.
Муне эсэмэс, а в ней вопрос:
«Встретите? Летим! Ваш Теватрос».
А ещё с бутылочкой портшеза
Заглянула в комнату Тереза.
Первый тост – за дружбы единенье.
Приняли Эрнандесы решение.
В Монреале новый дом построить,
Всю семью с комфортом обустроить.
И Бенита с мужем будут рядом
С Танею и Муной. Гости рады.
Монреаль – Севилья побратимы.
Круг родных людей в гнезде любимом.

✱ ✱ ✱

Эпилог

На горе Мон Руаяль
Королевство свободных парений.
Смысл воли озоновой
Каждый здесь может постичь.
На горе Мон Руаяль
Вещий рок принимает решенья.
На горе Мон Руаяль
Чужестранка – зловещая дичь.
Только преданно добрых
К себе призывал коннетабль,
Предводитель всех воинов,
Чтобы любовь защитить.
Обезножел в испуге
Посланец золы – мизерабль*.
Ему трудно в лучах стратосферы
Восходы гнобить.
Эталон высоты – жизнетворен
Для мышцы сердечной.
Открываются чувства
Велениям зрелых идей.
Мон Руаяль в нас живёт.
Он прекрасен. Спокоен. И вечен.
Убегает, стремглав,
Друг слепой темноты – Асмодей*.

**Мизерабль (франц.) – жалкий, ничтожный, плохой.*

**Асмодей – злой демон-искуситель.*

5 августа – 19 ноября 2013 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Маленькая песчинка	3
--------------------------	---

СОЛНЕЧНЫЙ КРУГ

Пусть в каждой душе	4
Ко мне пришел единорог.....	5
Нежность моя не растрчена.....	6
Каждый штрих летает птицей.....	7
Если летней ночью лечь на траву.....	8
Стучится солнышко ко мне	9
Опускается вечер над полем.....	10
Богатство музыкальных трелей.....	11
Во тьме таинственной стихии.....	12
Конечно же, остался добрый мир	13

ГРИМАСЫ ЭПОХИ

Эпоха стонет от болезней.....	14
Я под ударом сапога.....	15
Потусторонних монстров битва.....	16
Прогресс камлает бубном заржавевшим.....	17
Что-то случилось неясное, новое что-то.....	18
Над пробуждающейся лирой.....	19
Прожить без капли лжи и без притворства.....	20
Когда черные звезды погаснут.....	21
Мир без конца и без начала.....	22
Вспоминая Марину Цветаеву.....	23
Матерые волки давно поселили.....	24
Владея мастерски пером.....	25
Клевретобум. Диптих.....	26
Нас окружают мимолетности.....	27
Поток глицериновых слез	28
Бессонница – как острая игла.....	29
И, может быть, подходит срок.....	30
Мы с болью душевной сто лет неразлучны	31

ХРУСТАЛЬНЫЙ КУБОК ЧУВСТВ

У моей Вавилонской башни	33
Пролетают годы – гуси-лебеди	34
Чем больше лет, тем зов любви слышней.....	35
Дорогая моя, в честь тебя зажигаю салют	36
Клавиши в субдоминантной купели.....	37
Попросил я у Бога любви.....	38
Я чувствую тебя как часть большой Вселенной.....	39
Триптих. Новый вечер настал.....	40
Ночь породнилась с лунной серенадой.....	41
Мгла сырая окошко раскрыла	42
Тебе одной – от сердца строки.....	43
Я твой художник персональный.....	44
Любовь, как сад, растет и умирает.....	45

Они обвенчались в жасминном саду	46
Нежность моя, ты из странствий вернулась.....	47
Научи же меня танцевать под дождем	48
Счастливой минуты пронзительная багатель	49
Объясниться любимой с утра.....	50
Мы с тобой два отчаянных странника.....	51
Ах, эти розы ожидания!	52

ХУДОЖНИКИ

Сальвадор Дали. Диптих.....	53
Поль Сезанн. Мои глаза умеют думать.....	55
Гойя. Я оглох от страданий людских.....	56
Казимир Малевич. Черный квадрат	57
Клод Моне. Никто не скажет мне, что тень бесцветна	58
Фрида Кало. Боль, отпусти меня.....	59

МОЯ ФАУСТИАНА

Фаустианство – дьявольский синдром.....	60
Первый монолог Фауста.....	61
Монолог Мефистофеля.....	62
Кристофер Вагнер, ученик Фауста.....	63
Второй монолог Фауста.....	64
Маргарита.....	65
Последний монолог Фауста.....	66

СЮР-ФАНТАЗИИ

Невидимое рядом и в тебе.....	67
Зима, как театральная декорация.....	68
Сюрреализм – вещий господин.....	69
На раскаленной сковородке	70
Сын ветра, помоги мне улететь.....	71
Холодный июль – хмурый зять на поминках у тещи	72
Версальский сомелье Жерар	73
Когда сбываются пророчества.....	74
Тихая пристань разбитых сердец.....	75
Томятся персики на блюде.....	76
И может быть подходит срок	77
Клонированные клеветы.....	78
Конкурс амбиций. Диптих	79
Сиятельный миньон, друг трепетной Сильфиды.....	80
Кто часто пьет целительный бальзам.....	81
Невидимое рядом и в тебе	82
Озябший бог увидел спичку.....	83
Потерялись бессмертные души	84
Строки пишут меня на пергаменте жизни	85
МОНРЕАЛЬ. РОМАНТИЧЕСКАЯ САГА В СТИХАХ	87

Владимир Евграфов

СОТВОРЕНИЕ МИРА

Стихи и поэма

**Тексты представлены в авторской редакции
Дизайн и верстка - Гнеушева А. А.**

Издатель Александр Воробьев

Лицензия ИД № 00283 от 1 октября 1999 г., выдана Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

Подписано в печать 18.08.2015 г.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 10,5. Заказ № 40. Тираж 400 экз.

Отпечатано на полиграфической базе Издателя Александра

Воробьева: 302004, г. Орел, ул. 3-я Курская, д. 20

Тел./факс (4862) 76-17-15, 54-15-48, 8-910-748-1205

E-mail: orlik.av.@yandex.ru

Сайт издательства: www.orlik-id.ru